

An artistic illustration of a young man and woman standing in a snowy forest. The man, on the left, has dark hair and is wearing a blue and red jacket with intricate patterns. The woman, on the right, has dark hair in a braid and is wearing a red dress with white and gold patterns. They are both looking towards the viewer with serious expressions. The background consists of snow-covered birch trees.

ЗЛАЯ ЗИМА

ПЕРВЫЕ ЗАМОРОЗКИ

ОЛЬГА РАССКАЗОВА

18+

Ольга Рассказова

Злая Зима. Первые Заморозки

<https://litres.ru/73892854>

SelfPub; 2026

Аннотация

В сердце Великого Княжества, где древние традиции магии переплетаются с передовыми технологиями, зреет буря. Тринадцать некогда независимых княжеств, объединённых под властью единого правителя, стоят на пороге грандиозных перемен.

В то время как столица купается в роскоши и власти, окраины империи тонут в бедности и отчаянии. Но настоящий кризис зреет не только между центром и провинциями – он расколол даже великокняжескую семью.

Супруга Великого Князя Гана, сторонница жёсткой централизации власти, противостоит своему пасынку Вадиму – молодому наследнику, мечтающему о свободе и реформах. Их противостояние грозит перерасти в настоящую войну за будущее государства.

В водоворот политических интриг оказываются втянуты самые разные силы: от могущественной ведьмы Властимиры до загадочного представителя преступного мира по прозвищу Гнёт. На фоне нарастающего напряжения каждый из них вынужден

сделать свой выбор между долгом и совестью, между властью и справедливостью.

Содержание

Глава 1. Гана	6
Глава 2. Гнёт	25
Глава 3. Властимира	44
Глава 4. Гана	63
Глава 5. Гнёт	83
Глава 6. Гнёт	102
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Ольга Расказова

Злая Зима.

Первые Заморозки

Дисклеймер

Данная книга является художественным вымышленным произведением. Все персонажи, имена и события вымышленные, любые совпадения с реальными людьми случайны. Автор не пропагандирует и не призывает к насилию, противоправным действиям или нарушению закона. Позиция автора может не совпадать с мнением и поступками героев.

Данное произведение предназначено исключительно для совершеннолетних читателей, поскольку содержит: сцены жестокости; упоминание и описание насилия; упоминание и неграфическое описание интимных сцен; сцены употребления табачных и алкогольных изделий.

Глава 1. Гана

28-й день месяца Берёзозола 7489 года от сотворения рода¹ должен был запомниться Гане ощущением триумфа и заслуженной всепоглощающей радости, но запомнился липким, будто мёд, напряжением и горящим на языке разочарованием. Празднество, устроенное в честь её мужа, ставшего сегодня Великим Князем, сменилось тризной. Пока простой люд на улицах Столичного Княжества пел песни и водил хороводы, славя нового правителя, ближнее окружение поднимало кубки в память о его предшественнике.

— Славным мужем был твой батюшка, — рассуждал Милорад Тихомирович, отрезая кусок сочной медвежатины. — И князем достойным. Ты уж не посрами его памяти, Владимир.

Гана запивает недовольство брусничным морсом, изнывая от желания напомнить великокняжескому тысячнику, что они находятся в трапезной, а не на Моранином Кургане и говорить здесь следует о живых, а не о тех, кто ушёл в Навь. А уж с тем, как достойно править государством, новый Великий Князь сам разберётся. Однако Владимир к нравоучительному тону своего шурина относится более чем спо-

¹ Соответствует 28 апреля 1980 года от рождества Христова.

койно, отвечая с рассеянным добродушием:

— Не посрамлю, слово даю. Править Великим Княжеством буду справедливо, по совести, да по воле богов.

Разодетая в вышитый драгоценностями сарафан и праздничный венец, Гана чувствует себя неуместно среди своих родичей, пусть и не кровных, облачённых в траурные одежды. Её свёкор почил почти три месяца тому назад – пора бы перестать упоминать его имя при каждом удобном случае и вспомнить, что они собрались сегодня не оплакивать усопших, а чествовать живых. Однако едва ли Владимиру сегодня удастся получить хоть малую толику того внимания, которым всегда был окутан его покойный отец. Все беседы только и сводились к тому, насколько мудрым правителем был Игорь Владимирович и как важно продолжить начатое им дело.

В целом с этими словами сложно поспорить. Гане нравилась её свёкор и его умение удерживать все принадлежащие государству княжества в своём крепком, будто бы выкованном из железа, кулаке. Вот только жить в тени этого человека порой было тягостно. Вот и Владимир как будто бы успел смириться с этой участью и охотно поддакивал в ответ на все слова своих родственников. Словно шапка Мономаха, возложенная на его чело, ничего не поменяла, и он по-прежнему оставался не Великим Князем, а его непримечательным, подающим слабые надежды сыном.

Милорад Тихомирович не желает прекращать воспита-

тельной беседы, продолжая расспрашивать Великого Князя, будто простого школяра:

— Ты ведь разумеешь, что сейчас как никогда важно показать, что дело твоего отца живо и будет жить? Нельзя дозволить князьям из отдалённых земель своевольничать. А то, как говорится, кот за дверь — мыши в пляс.

— Конечно, разумею, — Владимир кивает этим словам с неизменно мягкой улыбкой. — Вот только мне видится правильным дать людям возможность самим выбрать, кто будет ими править. Достойный князь почувствует ответственность за доверенные ему земли и будет служить народу яро и преданно.

Милорад Тихомирович давится куском медвежатины и заходится в приступе кашля, указывая рукой на ковш с морсом. Его супруга, по совершенно случайному стечению обстоятельств приходящаяся сестрой Владимиру, тут же вскакивает со своего места и спешит угодить мужу. Гане тошно от этой женщины — такой услужливой, безвольной, готовой повиноваться и словно бы ожидающей, когда её пальчиком поманят выполнять очередную прихоть. Вдвойне тошно, что, будучи совершенно непохожей на своих властных родителей, она своей мягкостью и глиняной податливостью напоминала родного брата.

Сделав несколько жадных глотков, дабы кусок пищи перестал царапать горло, дружинник обращает на Владимира снисходительно-весёлый взор голубых глаз:

— Насмешил, княже. Повеселил на славу.

— Рад это слышать, Милорад. Вот только я говорил совершенно серьёзно.

Тот морщится при упоминании своего имени. Славный воин, не раз проявивший себя в бою и завоевавший авторитет среди сослуживцев, он предпочитал прозвище, данное ему дружиной, — Громобой. Вот как называли этого рассудительного при планировании и безжалостного в поединке человека. Что ж, такое имя подходит ему и правда больше данного при рождении.

— Ты, конечно, Володя, отчасти прав. Князь, которого выберет народ, все дела... Вот только тут есть две беды. Первая заключается в том, что народ в дальних княжествах у нас не особо-то образованный и прозорливый. Им какой-нибудь шустрый малый наобещает всего да побольше — они уши и развесят. Изберут не доблестного и преданного, как ты тут рассказываешь, а вчерашнего лиходея-разбойника.

На Владимира пыл, с которым говорит дружинник, не оказывает ровным счётом никакого влияния. При всей своей мягкости Великий Князь обладает также невозмутимостью и тихой, спокойной уверенностью в том, что говорит и делает. Будь на его месте кто-то другой, ринулся бы спорить, а Владимир лишь мягко подталкивает Громобоя продолжать свои рассуждения:

— Ты про вторую беду не рассказал.

— А вторая беда, она даже пострашнее будет, — насупив-

шись, отвечает дружинник. — Вот представь: пустили мы с тобой всё на самотёк. И навыйбирает наш народ себе князей да посадников, одного лучше другого. А тут у нас Великий Собор, на который съедутся со всех княжеств вот эти самые выбранные народом добры молодцы. И вместо того чтобы поддерживать твои решения, начнут палки в колёса вставлять. А то и вовсе тебя из Великих Князей взащей погонят!

Как бы ни была Гана согласна сейчас со всем сказанным, ей хотелось услышать от мужа хоть что-то в защиту его собственных убеждений. Увидеть в нём не прежнего знакомого ей покладистого Владимира, а Великого Князя — пускай добросердечного, но сильного, способного заткнуть собеседника за пояс. Однако её муж вновь поступает по-своему. Вместо протестов он бросает взор на жену Громобоя и беззащитно взывает к её помощи:

— Оленька, сестрёнка моя, ты чего меня от мужа своего не защищаешь? Гляди, как накинудся! И чего я ему сделал только?

На круглом лице Ольги появляется робкая улыбка — едва ли не первая за этот вечер. За последние месяцы она ни разу не позволила себе забыть о трауре по отцу, хотя едва ли была его любимицей. Одета в чёрный сарафан поверх белоснежной, лишённой всякой вышивки рубахи, с накинутым на плечи белым платком, она предпочла богатому очелю довольно скромный повойник, подчёркивающий её статус замужней женщины. Ни одного украшения, даже скром-

ной нитки бус, дабы не запятнать свой идеальный образ горюющей дочери.

Ольга вообще старалась во всём быть лучшей: кроткая жена, не смеющая и слова мужу поперёк молвить, хорошая мать, воспитывающая детей без лишней помощи нянек, послушная дочь...

Поймав на себе пристальный взгляд Ганы, Ольга озабоченно хмурится:

— Что с тобой, сноха? Глядишь так странно. Устала али разболелась?

Взор всех присутствующих тут же устремляется на Гану. Спohватившись, она откладывает в сторону столовые приборы и принимается тереть виски, будто бы измучавшись от головной боли. Отчасти так оно и было. Её очелье, богато украшенное тяжёлыми височными кольцами, было донельзя красивым, но крайне неудобным. Гане бы переодеться, вот только не пристало оставлять родственников за столом в столь важный день, как и сидеть простоволосой за праздничным столом. А семейство Огневич-Миролюбовых к традициям относится с особым трепетом.

— Не переживай, Олечка, всё хорошо, — кротко улыбнувшись, отвечает Гана. — Просто притомилась немного, день был долгим.

Эта реплика ничуть не умаляет интереса присутствующих, а, напротив, подогревает его, как вовремя подкинутые в костёр дрова. На этот раз взор на неё обращает уже све-

кровь. Недовольно поджав тонкие, подведённые тёмно-бордовой помадой губы, Услава Олеговна произносит с нескрываемой насмешкой:

— Так, может, стоило поменьше каменьев на себя навешивать, невестушка? А то народ, чай, ещё подумает, что мы всю Великокняжескую казну вскоре на цацки да наряды истратим.

Гана проглатывает эту колкость, отвечая на неё елейной улыбкой и безукоризненным сладкоречием:

— Благодарствую за заботу, матушка. Народ может не волноваться: украшения были подарком от моего батюшки в честь праздника. Да и грех было в непотребном виде выйти с мужем в столь значимый для него день. Правда, Володенька?

Интересно, отчего у свекрови сведёт челюсть сильнее? От этого столь непереносимого ей уменьшительно-ласкательного «Володенька» или от упоминания родного отца Ганы, которого в Столичном Княжестве отчего-то не жаловали? Щёлкнуть Усладу Олеговну по острому носу не только приятно, но и полезно. У родни Владимира есть удивительная особенность – считать себя единственными властью и богатством имущими во всём государстве. Приходится напоминать о том, что княжеств в их стране аж целых тринадцать.

— Ну что ж, — на этот раз куда более спокойно произносит свекровь, — князю Старицкому низкий поклон. Но не нужно забывать о том, что в стране сейчас траур. Стоит проявить скромность и разделить с народом его горе и тяготы.

Такого правителя, как мой покойный супруг, будут помнить ещё долгие годы.

Хочется возразить, что помнить его будут в первую очередь как редкостного самодура. Вот только Гане действительно нравился покойный свёкор. Колкостей она от него за четыре года наслушалась куда больше, чем можно было ожидать от Улады Олеговны в ближайшие пару десятков лет. Однако в его словах не было желания нанести душевную обиду. Скорее – простое стремление подтрунить, указать на ошибку в суждениях или деяниях. Игорь Владимирович был человеком прямым, жёстким, порой даже жестоким, но честным и не терпящим наличия двойного дна. Пусть говорил он порой и грубо, зато поступал всегда по совести.

А вот супруга его, наоборот, была женщиной интеллигентной, невероятно образованной и величественной. Слова выбирала словно бисер, но действовала хитро и исподтишка. Одна отрада: особого веса Улада Олеговна при живом муже не имела, будучи задвинутой на задний план его крепкой, могучей рукой. Но теперь, сделавшись вдовой прежнего и матерью нового Великого Князя, она может почувствовать твёрдую почву под ногами и начать совать свой породистый нос куда не следует.

— Матушка, ну что ты и правда взъелась-то на Ганку? — любезно воркует Владимир. — Она ж как лучше хотела. И гулянья в Столице помогла организовать, всё согласовывала, в казначейство через день носилась. Старается, княгинюшка

моя!

Услава Олеговна дарит сыну натянутую улыбку, поднимая чашу с брусничным морсом. Остальные следуют её примеру. Гана, если честно, предпочла бы плеснуть себе чего-нибудь покрепче, вот только в роду Огневич-Миролюбовых не было принято пить напитки, дурмнящие голову сильнее липового чая. Оставалось воздавать мысленные молитвы всем ше-стерым богам в надежде, что весь этот балаган скоро закончится и можно будет спокойно пойти к себе в горницу и открыть бутылочку добротного хайаского коньяка.

То, что мечтам не суждено сбыться в ближайшие часы, стало понятно, стоило тяжёлым дубовым дверям трапезной распахнуться, пропуская внутрь двоих мужчин. Хотя мужчиной можно было назвать лишь одного из них: второй был ещё слишком юн для подобного чина. Первый из вошедших сразу же склонился в земном поклоне, как принято делать в присутствии членов великокняжеской семьи:

— Здравия хозяевам! — в голосе его сквозил весёлый задор, столь чуждый царившей в трапезной траурной обстановке. — Принимайте доброго гостя! Княжич Вадим Владимирович собственной персоной прибыл.

Услава Олеговна и Ольга Игоревна чуть ли не наперегонки кинулись обнимать любимого внука и племянника. И куда только все деланные манеры подевались? Минутой назад чуть ли не мизинчик оттопыривали и похоронным плачем надрывались, а теперь столпились вокруг отрока, слюнявя

тому щёки и умиляясь, что растёт чадо не по дням, а по часам. То, что чаду уже семнадцатый годок идёт, в расчёт не принимается.

— Вадим, что ж ты так поздно-то?! Мы тебя к началу трапезы ждали.

— Простите, задержался с матушкой. У них в храме такие пироги отменные сегодня были, я и для вас угощения взял, — Вадим с улыбкой протягивает круглое блюдо, накрытое белым полотенцем с рунической вышивкой.

Услава Олеговна принимается нахваливать гостинец, как будто бы и правда любила выпечку, а не презрительно отодвигала её от себя в стремлении сохранить фигуру. Видимо, для неё внимание бывшей невестки было дороже точёной талии.

— Так что же она сама к нам не пожаловала?! Мы её всегда рады видеть.

Порой у Ганы складывалось ощущение, что её саму в этом тереме любят гораздо меньше, нежели бывшую жену Владимира. Что было весьма странно: ведь их брак просуществовал совсем недолго и распался, когда мать Вадима решила оставить мирскую жизнь, а вместе с ней – любимого мужа с сыном – и уйти послушницей в Храм Макоши.

Такой поступок хоть и имел законные основания, вызвал множество слухов и недомолвок. И всё же Услава Олеговна, не будучи человеком набожным, всегда говорила о бывшей невестке с материнской теплотой и искренним уважением.

В то время как Гана удостоивалась в лучшем случае просто уважения.

— Я звал матушку к нам, но у неё в храме постоянно забот полон рот, особенно по праздникам. Она, кстати, велела всем кланяться. Особенно тебе, батюшка, — Вадим, неукоснительно вежливый и воспитанный, глядя отцу в глаза, отвешивает низкий поклон, касаясь кончиками пальцев деревянного пола. — Поздравляю тебя, Великий Князь. Долгих лет правления тебе. Да благословят тебя боги.

Владимир, тронутый всей развернувшейся перед ним картиной, поднимается со своего места и идёт к сыну, чтобы крепко обнять. Он прижимает Вадима к себе и запускает пальтерню в русые волосы, такие же, как у него самого. Усилада и Ольга вьются рядом, умиляясь происходящему и зовя мужчин за стол. Однако прежде чем занять своё место подле любимой бабушки, Вадим направляется к Гане, чтобы как следует поприветствовать её. Наклонившись, он кротко обнимает женщину за плечи и целует в щёку:

— Дозволь поздравить, Княгиня-Матушка! Ты сегодня прямо красна девица, глаз не оторвать!

От добрых слов и таких искренних объятий всё накопившееся раздражение тут же отступает подобно морской волне. Молодой княжич умеет расположить к себе. Обаятельный и улыбчивый, Вадим обладал разоружающей искренностью. Хотя, казалось бы, в шестнадцать лет впору показывать характер и начинать зубоскалить над старшими. Ан нет: всегда

у него и слово доброе найдётся, и поразительная, не свойственная большинству мужчин чуткость.

Вот и сегодня, стоило ему войти в трапезную, как всё напряжение, неловкость и ощущение недавнего траура тотчас испарились. Даже Улада Олеговна разулыбалась, позабыв натянуть полюбившееся за последние месяцы скорбное выражение лица. Видимо, последним она готова была вдоволь угощать Гану, но никак не любимого внука.

Во всей этой суматохе они как-то позабыли об опричнике, что тенью затаился в углу трапезной. Ему впору было бы покинуть семейное застолье, оставив доставленного им княжича в кругу близких. Однако стоило ему направиться к дверям, как его останавливает недоумённый глас Владимира:

— Аспид, друже, а ты куда?

— Служба зовёт, Великий Князь. Да и негоже мне вашим посиделкам мешать. У вас тут все свои сегодня, как погляжу.

От напускной любезности Гане хочется закатить глаза, но воспитание и выдержка не позволяют опуститься до такого плебейства. Аспид, отвечая отказом, словно напрашивается на приглашение. «Негоже ему застолью семейному мешать» – надо же было такое молвить! Будто они тут пса голодного со двора гонят. Владимир тоже хорош – простого опричника приглашать к столу. Гана уже не в первый раз замечает, что её супруг испытывает явную симпатию к этому мрачному, напоминающему голодного вурдалака мужчине с тёмным взором и хитрящей улыбкой.

— Скажешь тоже! — разводит руками Великий Князь. — Мешать он будет... Брось, Аспид, садись давай с нами. Мотался весь день, устал, поди. Уж у нас разносолов не убудет!

Ольга тоже принимается поддакивать, упрасывая Аспида остаться с ними, да и Вадим с радостью вторит этой просьбе. Будто перед ним не простой опричник, а дальний, но горячо любимый родственник. Даже Громобой норовит улыбнуться Аспиду, давая понять, что он здесь желанный гость. Кажется, единственной, кто в полной мере разделяет сейчас недоумение Ганы, оказывается Услава Олеговна, недовольно поджавшая тонкие губы. Весьма неожиданный союзник.

Гана накрывает ладонь Владимира своей, призывая его остановиться, и старается говорить так вкрадчиво, как только умеет:

— Полно тебе, свет очей моих, так на доброго человека наседать. У нашего дорогого гостя явно дела есть, раз он отказывается. А мы его тут задерживаем.

Аспид устремляет на неё свои тёмные, будто дно колодца, очи и отвечает с неожиданным весельем в голосе:

— Права, права, Княгиня-Матушка! Чего ж это я Великому Князю-то отказываю?! Да и какая служба у опричника, кроме исполнения долга перед государем? Раз требует остаться — останусь! Ты уж не гневайся, княже, что сразу сплеховал. Как говорится, не вели казнить, вели миловать!

Владимир лишь смеётся в ответ на этот балаган, жестом указывая челяди, чтобы принесли гостю всю необходимую

утварь для трапезы. Аспид усаживается подле Громобоя, как служивый со служивым. Только один – опричник, причём из чёрных, а второй – старший дружинник, умело метящий на должность Великокняжеского воеводы.

Гана решительно оставляет морс в стороне и тянется за квасом. В нём хоть какие-то градусы имеются.

— Вадим, как учёба?

Голос Услады Олеговны мягок, но вкрадчив. Успехи внука всегда волновали её. Порой даже больше достижений собственного сына.

— Всё хорошо. Взял больше дополнительных часов по английскому, — Вадим весь светится от уделяемого ему внимания. — Учитель говорит, что с моим уровнем я смогу легко поступить в один из ведущих университетов Штатов.

Эта реплика вызывает оживлённый интерес со стороны родичей, ратующих за то, чтобы Вадим учился за границей. Как будто все забыли, насколько возражал против такой затеи покойный Великий Князь. Поглядите только: как про политику говорить – так всё «Игорь Владимирович, да Игорь Владимирович». А как княжич решил в Штатах учиться – так сапожки сафьяновые прямо в воздухе на кроссовки заморские сменили!

— Молодчина, сынок! — Владимир весь светится от переполняющей его гордости за сына. — Надеюсь, с остальными предметами сложностей нет?

Увидев, что Вадим от этого вопроса как-то поник, Гана

решает воспользоваться моментом и напомнить, в честь чего они собрались сегодня за столом:

— Володенька, будет тебе допросы чинить! Он и так старается, головы от книг не поднимает — дозвожь хоть в праздник от учёбы отдохнуть. Давай лучше за тебя, сокол мой, чаши поднимем.

Её предложение встречают с неожиданным задором. Всё же появление Вадима принесло ощущение лёгкости и праздности в привычную духоту Великокняжеского терема. Поразительно, насколько сильно были готовы окутать любовью и заботой княжича и насколько прохладно относились к самому Великому Князю. Хотя, казалось бы, отец и сын так похожи друг на друга!

Гана украдкой глядит на них, мысленно сравнивая. Оба высокие, крепкие, ладно сложенные. У обоих густая копна русых волос на голове, открытые приветливые лица. Даже родинка над губой одинаковая. Разве что глаза у Владимира голубые, а у Вадима золотисто-карие — в матушку. Красивые оба, загляденые просто. Володя, правда, поправляться недавно начал, но ничего. Дела государственные быстро вернут ему былую форму.

— Ганочка, как сыночек твой? Зубки режутся? — решает проявить участие Ольга.

У неё все вопросы сводятся к детям — так уж устроена эта женщина. Вся в семье, в быту. Аж противно.

— Неделью назад резались, сейчас уже полегче, — отвеча-

ет вежливо, с деланно ласковой улыбкой. — Благодарю тебя, Оленька. Твои-то как?

Золовка тут же принимается болтать без умолку. Благо, слушать можно вполуха. Ольга о своём выводке может трещать без устали, не обращая на собеседника ни толики внимания. У них с Громобоем уже трое детей, и вряд ли они на этом останутся. Глядя на эту пару со стороны, может показаться, что деспот-муж заставляет свою супругу без конца рожать, вот только едва ли во всём княжестве сыщется женщина, готовая с такой прытью дарить новую жизнь.

Гана наливает себе ещё кваса, рассуждая о том, возможно ли им напиться. Неожиданно она ловит на себе взгляд Аспида. Тот заговорщицки улыбается и без зазрения совести подливает себе в чарку нечто таинственное и явно спирто-содержащее из маленькой фляги, которую он ловким, отточенным движением прячет в складках своего кафтана. Вот же стервец! Не зря Аспидом прозвали: сегодня себе зелья заморского плеснёт, а завтра кому-другому отраву в чай!

Не нравится этот опричник Гане, ох не нравится. Не успел приехать из дальних земель, как тут же изловчился в опричнину попасть, да ещё и в особое «чёрное» подразделение, приближённое не только к делам Великого Собора и Боярской думы, но и к самой великокняжеской семье. Такой молодец лихо по головам пойдёт, дабы ножки не промочить.

И как Владимир сам этого не видит? Приятельствует с Аспидом, за один стол с семьёй усаживает — того гляди, и вовсе

лишнего трепать языком начнёт. Надо бы напомнить мужу об осторожности.

— Вадим, а я чего-то в толк не возьму: ты что ж, и правда в Единые Штаты учиться поедешь? — Милорад Тихомирович подпирает щёку рукой, внимательно, даже испытывающе глядя на отрока. — И чего только вспомнил? Неужто тоже тайком себе чего в морс плеснул, вот и потянуло на задушевные разговоры?

— Если успешно сдам экзамены, то поеду, конечно, — княжич говорит спокойно, не чувствуя никакого подвоха.

Громобой недовольно кряхтит, отрезая себе добрый ломоть ароматного мясного пирога. В семье Огневич-Миролюбовых вообще испытывают какой-то особый трепет к дичи: томлёная медвежatina, зайчатина, приготовленная на углях, тонкие ломтики косули, утка, начинённая яблоками и брусникой, разнообразные мясные пироги, щучьи котлеты.

Гане, привыкшей к большому количеству овощей и зелени, такой праздничный стол грозит несварением.

— Вот чем тебя наши академии не угодили? — едва прожевав пирог, бубнит Громобой. — Чего тебе на этом Западе делать? Не столько уму-разуму научат, сколько хлестать заморский виски да про демократию несуществующую расусоливать. Да и отцу спокойнее будет, коли ты здесь останешься, — не придётся за твою безопасность день и ночь трястись.

Владимир неожиданно вступает в этот спор, парируя с

доброй, искренней улыбкой в голосе:

— А вот здесь ты не прав, друже. Я хочу, чтобы сын получил хорошее образование. У нас академии хорошие, спору нет. Но и на Западе, говорят, не хуже. Вот выучится Вадим, вернётся с новыми знаниями, нам расскажет, что да как.

Дружинник недовольно хмурит густые, низко нависшие над синими глазами брови:

— Ты что же, князь, думаешь, у них там чему-то полезному научить могут? Ну, гляди: отправишь его в Штаты – он там вмиг нахватается всякого вольнодумия.

Владимир лишь плечами пожимает в ответ на это:

— Может, именно этого западного вольнодумия нам и не хватает. Выучится, поглядит, разузнает, чем люди за пределами нашей родины дышат. И будет у нас потом новый, мудрый Великий Князь.

«Новый Великий Князь... Ну, конечно. Старый-то уже целые сутки правит, поди, устал», — думает Гана.

Как же так получилось, размышляет она, что не успел её супруг возложить на себя Шапку Мономаха, как уже подыскивает себе достойную замену? А все остальные за этим столом делают вид, что так и надо. Будто бы Владимир Игоревич сделался Великим Князем лишь на время, покуда достойная замена не подрастёт. А достойная замена уже тут как тут.

Ежели всё и правда так, немудрено, что на Гану как на пустое место глядят. Она тут – так, в качестве украшения.

Ни ей, ни её сыну власти не видать, как своего носа.

Гана с завистью глядит на Аспида. Ей бы сейчас содержимое его фляги – ох как пригодилось бы.

Глава 2. Гнёт

Драить полы в храме – дело утомительное и, самое главное, неблагодарное. Даже если отмыть и отполировать их до состояния, чтобы можно было без труда увидеть собственное отражение, жрецы и прихожане своими сапожищами за пару часов сведут все усилия на нет. И придётся корячиться заново: на следующий день, и на следующий за следующим, и так – до конца недели, пока не истечёт срок назначенного наказания.

И угораздило же так опростоволоситься! Главное, в куда более сложных и опасных ситуациях ноги уносить успевали, а стоило спереть самовар на ярмарке – так лихоборцы мигом подоспели! И чего только Соловей к этой утвари прицепился? Нет, чтобы кошелёк у кого подрезать или полные карманы баранок с конфетами набить. Народу-то на ярмарке тьма: рты раззявят, за содержимым своих кафтанов следить перестают. А за сладости их бы точно ловить никто не стал. Да и кто считать-то будет пару недостающих баранок?!

Нет же, вцепился дурень в блестящий, начищенный, будто медная копейка, самовар – и давай когти драть. Гнёт, естественно, за ним! Лиходей тоже – не бросать же приятелей в беде. Вот так их всех троих и повязали: на срамоту родителям и потеху старшим. Позор – в таком возрасте так по-

пасться. Чай, не мальки уже!

Лиходей оставляет тряпку ветошью валяться на полу и встаёт, разминая спину. Не спеша возвращаться к работе, он принимается с таким вниманием разглядывать идола Симаргла, будто бы неожиданно-негаданно проникся верой. Хотя до этого ни разу ни одной, даже самой короткой, молитвы не произнёс. А тут, поглядите-ка! Очи голубые смиренно так на деревянное, покрытое красным лаком изваяние бога устремил – ну прям вылитый послушник. Поди, думает, как спереть и продать!

Вдруг выражение лица его меняется – с благочестивого на растерянное, а затем на повседневное, хмурное. Лиходей вновь присаживается на пол и возвращается к работе. Причём с двойным усердием, свойственным людям, пойманным на безделье. Судя по звуку приближающихся к ним шагов, в храм пришёл посетитель.

Странно: Гнёт искренне думал, что весь честной народ, кроме их несчастной троицы, будет в ближайшие дни на гуляньях да игрищах, приуроченных к чествованию нового Великого Князя. Видать, кто-то шибко набожный сыскался, раз в законный и вполне себе даже оплачиваемый выходной решил в храм наведаться.

Взор его падает на вошедшего – и Гнёт с удовольствием отмечает: девка. Стоит к ним спиной, лица не разглядеть. Но ноги, торчащие из-под сарафана, радуют взор. Как и тёмная коса с вплетённой синей лентой, падающая на спину. Брю-

нетка, стало быть.

Гнѣту нравится украдкой наблюдать за девицей и гадать, какая она. Всё веселее, чем деревяшки драить. Вот сейчас обернѣтся – и окажется красой, что глаз не оторвать. Ну или простой девчонкой, круглолицей и обязательно с ямочками на щеках. Тоже весьма неплохо: такие обычно хохотушками оказываются, первыми целоваться лезут. А может, вообще выяснится, что у пришедшей в Храм Симаргла девушки маньчжурская или джурженьская кровь – окажется смуглолицей да раскосой. Ну вот, сейчас...

Стоит девице взаправду обернуться – и Гнѣт едва сдерживает разочарованное хмыканье. Совсем ещё девчонка, не старше двенадцати лет, только ростом высокая, вот и принял со спины за ровесницу. Желание рассматривать её тут же отпало, сменившись стыдливостью. Считай, на дитѣ глядел.

— Добрый день, добры молодцы. Вы жреца настоятеля Дара Мечиславовича не видели? — голос у девчонки громкий, звонкий, таким только на зарнице будить.

Выпрямившись наконец в полный рост, Гнѣт ощущает, насколько же сильно у него затекла спина. Вот уж верно говорят: труд закаляет тело и дух! Руки после первого дня такой каторги отваливались, несмотря на то, что Гнѣт считался парнем крепким и сильным для своих лет. Поясница едва разгибалась, кожа на пальцах покраснела и начала шелушиться. А про дух и говорить нечего: если он до сих пор отсюда не сбежал, то его силе воли можно только позавидовать!

— С утра здесь был, — смахнув непослушную прядь волос с лица, отвечает Гнёт. — Час назад ушёл куда-то.

— Куда не сказал? Или хотя бы насколько?

И что этому ребёнку в храме надобно? Праздник сегодня — шла бы веселиться с подружками. Нет же, Дара Мечиславовича ей подавай! Неужто решила подношение Симарглу сделать, чтобы двойку в школе исправить?

— Не сказал, но к вечеру точно вернётся. А может быть, и раньше: он к обедне обычно приходит проверить, как тут у нас всё... — Гнёт спотыкается языком, прежде чем открыть позорную тайну причины их нахождения в храме.

Признаваться, что их силой принудили тут корячиться, было неловко. Будто они не какие-то молодцы-удальцы, а пойманные за списыванием дети. Хотя разница между школьной провинностью и кражей самовара и правда невелика.

Девочка поднимает руку и слегка закатывает рукав лёгкой душегреи². Под ним на её тонком запястье оказываются массивные часы на широком кожаном ремешке — такие обычно взрослые мужики носят. «У батьки, что ли, взяла? — думает Гнёт. — Зря это она, такое добро умыкнут — оглянуться не успеет».

Сверившись со временем, девчушка спрашивает с робкой, даже скромной улыбкой:

— А можно я его тут подожду? До обедни минут сорок

² Короткая женская верхняя одежда до талии или до поясицы.

осталось, вдруг придёт.

Гнёт только плечами пожимает – ему-то что. Хочется ей в храме просиживать в законный выходной – пускай. Он здесь гость, а не хозяин, чтобы ей указывать. Оглянувшись в сторону двери, он с радостью подмечает, что девчонка не натоптала – а значит, можно заново тряпкой не размахивать. А то он скоро перемещаться на карачках начнёт, забыв о чудесах прямохождения.

Решив заняться пылью, Гнёт принимается протирать скамьи и алтари для подношений. Главное – выскоблить грязь в самых труднодоступных местах: местные жрецы туда чаще всего заглядывают. Пока он честно отработывает назначенные ему исправительные часы, Лиходей так и норовит лишний раз взглянуть на девчонку, усевшуюся с книгой в руках. Он из них самый младший, так что простительно. Хотя Гнёт не может сдержаться от удовольствия заехать ему тряпкой по светловолосой макушке:

— Рано ему ещё! Пусть сперва в люди выбьется, а опосля уж вокруг девок виться будет.

Соловей, в отличие от младшего приятеля, ерундой не мается. Однако в какой-то миг подходит к девочке, предлагая той припрятанную в карманах конфету. У Соловья три младших сестры, и вот-вот братишка родится – он постоянно сладости с собой таскает. Вежливо поблагодарив, девчонка принимает угощение, но вместо того, чтобы сразу же сунуть сладость в рот, прячет её в рюкзак. Умница.

Интересно, что это она там читает такое? Сказки или учебник? Томимый любопытством, Гнёт невзначай заглядывает ей через плечо, пока протирает скамьи. Рассмотреть название раскрытой книги возможности, конечно, нет, но, судя по коротким строчкам, то ли сборник стихов, то ли молитвенник. Скорее второе, учитывая, куда она пришла в праздничный день. «Шибко набожная, что ли? — размышляет Гнёт. — Так топала бы в храм Макоши: туда девчонок принимают в послушницы».

Громкий хлопок дверей оповещает о возвращении Дара Мечиславовича. Он входит, тяжело дыша, несмотря на вполне ещё молодой возраст, и топая ногами так, что свечи на алтаре подпрыгивают. Потирая лоб расшитым платком, обводит их многострадальную троицу подозрительным взглядом. Гнёт с особым старанием начинает выискивать пыль, которая, как назло, не вовремя закончилась.

— От трудов праведных отлыниваете? — хмурит тёмные брови жрец.

— Да вы что, Дар Мечиславович! — вскакивает с пола Лиходей. — Как можно! Трудились, не опуская рук! Вон как отмыли тут всё — загляденье. Гой, Симаргл!

Дар лишь недовольно цокает языком:

— Ты мне богов попусту не поминай. Я что, по-твоему, верующего от неверующего отличить не могу? Я тут таких остолопов, как вы, исправно раз в месяц вижу. Лихоборцы только знай под ручку приводят. И каждый потом клянётся,

что больше никогда и ни за что хулиганить не будет. И обязательно норовит какую-нибудь молитву прочитать. Даже, бывает, заглядывает сюда в первые пару недель – помолиться и рассказать, как новую жизнь безгрешную, почти что праведную, начал. А потом как-то вдруг перестаёт заглядывать: видимо, дела мирские времени свободного не оставляют. Зато спустя месяц-второй-третий – глядите-ка, опять тут как тут!

Эту речь им уже в четвёртый раз выслушивать приходится. Самое потешное, что знакомые, в своё время отбывавшие наказание при храме, тоже много чего сказывали про Дара Мечиславовича. После отбытия наказания тот норовит всех покрепче обнять, благословить, выдать по оберегу и взять обещание больше никогда делами лихими не заниматься. Обещает помнить и молиться за здоровье, но спустя пару недель напрочь забывает лицо каждого.

— Нет, вот у меня тут что – исправительное учреждение для таких, как вы? Одна надежда: при новом Великом Князе спокойнее заживётся! Сыщут на вас управу!

Интересно, а с чего бы это им спокойнее зажилось, если Великий Князь в Столичном Княжестве заседает, а они – в Восточном живут? Им что новый, что старый – толку никакого. Вот ежели местный князь сменится, тогда другой разговор будет. Правда, Гнёт к своим шестнадцати годам успел понять, что любые изменения приводят не к процветанию, а к новым трудностям.

Соловей, которому речи жреца особенно поперёк горла

были, угрюмо спрашивает:

— Нам на обед можно пойти?

— А вы его заслужили? — уже не столь сурово, скорее насмешливо, спрашивает жрец. — Заработали? Аль вместо уборки дурака валяли?

Гнёт собирается перейти от слов к наглядной демонстрации их трудов — например, ткнуть Дара Мечиславовича мордой в вымытый пол. Однако на помощь ему приходит мышонком притаившаяся девчонка. Встав с облюбованной ранее скамьи, она бойко обращается к жрецу, который не мог её видеть, стоя к ней спиной:

— Отпусти их, дядя! Добры молодцы всё то время, что я тебя жду, трудились не покладая рук. Сам полюбуйся — чистота какая! У меня матушка в хоромах не всегда так убивается.

Дар Мечиславович от неожиданности аж вздрагивает, но тут же берёт себя в руки и оборачивается в сторону девчушки, всплеснув руками:

— Властимирка, напугала! Чего притаилась там? Давай сюда иди, обниму хоть.

Видимо, и правда дядя. Ну да, глаза похожи — густого синего цвета, напоминающего скорее море, нежели небо. Да и в лицах есть что-то общее, говорящее о наличии родства. Жрец притягивает девочку к себе в осторожное и короткое объятие. Она от этого жеста неловко топчется на месте, словно бы стесняясь.

Затем Дар Мечиславович поворачивается обратно в их сторону и милостиво отпускает на перерыв:

— Так и быть, шуты гороховые, ступайте в трапезную – вас там накормят.

Решив более не искушать судьбу, троица резво бросается к служебной двери – скромной и весьма обшарпанной, в отличие от парадного облачения храма. Есть действительно охота. Даже больше, чем курить. Да и рвани они на улицу – Дар Мечиславович мигом бы схватил за шиворот и выдал дополнительный фронт работы. У жреца было какое-то особое резко-негативное отношение к курению. Сам, что ли, когда-то бросал?

Кормят сегодня знатно! Наваристый куриный бульон, мясные котлеты – хоть и наполовину из хлеба, – пирожки с капустой. Вместо чая, правда, компот, поскольку в их княжестве нормальные травы или ту же липу сыскать трудно, а пить маньчжурский при храме не принято. Да и бес с ним, с чаем – главное, что теперь они сыты и могут хоть немного дух перевести!

— Вас там не потеряют? — бубнит сидящий неподалёку от них молодой послушник, видимо недовольный тем, что большую часть пирожков умяла именно их честная компания.

— А ты не переживай, — отвечает с набитым ртом Лиходей, — там к жрецу Дару Мечиславовичу пришли, нечего под ногами путаться.

Рябой и болезненно тощий, послушник шмыгает носом и брезгливо корчит лицо. С ними за одним столом сидят ещё двое храмовых пособников, поэтому парнишка чувствует твёрдую почву под ногами, думая, что старшие в случае чего за него заступятся, и решает вновь огрызнуться:

— Проверить бы надобно, точно ли кто с ним есть. Может, брешете, от работы отлыниваете.

Почва-то, может, по ощущениям и твёрдая, да только от болотных кочек это не спасёт.

— А ты что, самый ответственный тут, что ли? — поднимает хмурый взор Соловей. — Да и невежливо как-то получается. Брехунами нас назвал, хотя повода вроде не давали.

Послушник оглядывается на храмовых пособников в поисках поддержки. Напрасно. Первый – старший и явно претендующий в скором времени получить статус жреца – уже направился к выходу из трапезной. А второй, лет двадцати пяти, не больше, лишь улыбается, глядя на развернувшееся представление, и явно не спешит послушнику на выручку. За язык никто не тянул – сам эту кашу расхлёбывай.

— Да я... Что я, не вижу, кто сидит тут передо мной? У вас на лицах всё написано!

Понятно: пытается давить авторитетом, перенимая привычку у Дара Мечиславовича. Только вот за жрецом сила и правда чувствовалась, а за этим дрищом – ничего, кроме гонора, нет и в помине. Трус и слабак, привыкший всю жизнь получать тычки. Возомнил себя на краткий миг хозяином

положения и пытается тявкать из-под лавки.

— А ты, я погляжу, в радар³заделался, — Гнёт лениво подпирает кулаком лицо, принимаясь показательно глядеть на послушника, как на заморскую диковинку. — Видишь всё так ясно, что у кого на лице написано. Может, будущее ещё нам предскажешь? Или себе? Хотя бы на сегодняшний вечер?

Угроза в голосе не скрытая, а вполне себе явная – такая, чтобы и тугодуму понятно было. Однако каждое сказанное им слово Гнёт подбирает тщательно, осторожно, будто возводя забор вокруг болотной трясины. Не хватало ещё, чтоб им ужесточили условия отбывания наказания. Нет уж, у него и без того колени, как у сенной девки, стали – сплошь синие от длительного стояния на деревянном полу.

— А может, я лучше начитку сейчас произнесу какую?! На понос, например! — вертится ужом на сковородке послушник, уязвлённый тем, что его тут чуть ли не лицом в нечистоты тычут на глазах у пособника, который вместо того, чтобы вступить, лишь самодовольно улыбается.

Гнёта в своё время очень хорошо научили следить за тем, что он говорит. Рискуни он так словами разбрасываться при том же Мормагоне – вмиг бы по шапке получил. И не за то, что такой весь из себя смелый, а за то, что сразу угрозу не привёл в исполнение. Слова с делом не должны расходиться, иначе грош цена такому слову.

³ Радарь – ясновидящий, колдун.

А вот послушника этому правилу, видимо, ещё учить и учить. Здесь, может, и храм, вот только законов жизни это не меняет – они везде одинаковые. Что при Симаргле, что при воеводе, что при князе, что при батьке. Поэтому их и вбивали на улицах Восточного княжества в головы с молодых лет – больно и хлётко, чтобы наверняка запомнили.

Храмовый пособник, услышав от простого послушника столь откровенную и смелую угрозу применения начитки, не медлит и не раздумывает. Берёт того за шкуру и выводит прочь из трапезной, не дав даже надкусанный пирожок доесть. Ещё и пинка отвешивает тому в дверях. Послушник скулит испуганной псиной, но возражать не смеет – убирается восвояси, поджав хвост.

Что и требовалось доказать: трус и слабак. Даже свои за человека не считают, раз при посторонних не стесняются шпынять.

Вернувшись за стол, пособник обводит их троицу нарочито удивлённым взглядом:

— Что, доели уже? Чего сидим тогда?

Намёк предельно прозрачный и доходчивый.

Встав со скамьи, Гнёт делает низкий поклон – лишённый малейшего намёка на издевательство или кривляние. Пособник поступил по справедливости. Даже по-человечески. По большому счёту, их компанию могли бы даже не пускать за один стол со служителями храма, выдав по чашке чая и заветренному пирожку. Ан нет: и накормили, как желанных

гостей, а не случайно оказавшихся здесь малолетних преступников, и уважили, не дав в обиду.

Стоя на заднем дворе, подальше от любопытных глаз прихожан, они наслаждаются тёплыми лучами солнца, которое пока не сменилось обычной для их княжества дождливой погодой, и угощаются сигаретами из мятой пачки «Родного Духа». Не «Боярские», конечно, зато свои, родные. От маньчжурских голову вело мгновенно — слишком уж крепкие.

— А представьте, и правда сглазит нас, — выпуская колечки дыма, лукаво жмурит огромные, как у девчонки из восточных мультиков, глаза Соловей. — Симаргловцы же из всех жрецов самые колдонуемые.

— Не-е, не сглазит, — тянет Лиходей. — Жрецам ведь запрещено кудесничать.

— Это как посмотреть, — нравоучительствует Соловей. — Симарг — вестник меж землёй и небом, покровитель божественного таинства. Так что его жрецам магию изучать не только можно, но и весьма похвально. Просто официально об этом не принято говорить.

Гнёту особого дела до этого всего нет. Он к магии относился с недоверием. Сам никаких чудес не видывал, зато успел насмотреться, как всяк шарлатан, называющий себя волхвом, горазд карман набивать на чужой беде. Если бы послушник попытался на них какой-то сглаз или порчу навести, Гнёт бы ему без лишних раздумий врезал. Но не потому, что боится, а чтоб неповадно было. Его учили бить

сразу при малейшем признаке неуважения к себе. Ведь любое снисхождение рождает уступки, а уступки рожают слабости. А оказаться в рядах слабых – это то, чего Гнёт желал бы для себя в последнюю очередь.

Потушив сигарету, он с грустью сообщает, что пора бы возвращаться к трудам праведным. А то ещё Дар Мечиславович их хватится.

— О! Вот хотя бы Дар Мечиславович! — с радостной улыбкой подхватывает Соловей.

Имя приятелю в их рядах дали подходящее – заливаться умел так, волей-неволей заслушаешься. И голос меняет постоянно: от таинственного к восторженному, и глаза такими круглыми-круглыми делает, и руками жестикулирует не хуже ярмарочного фигляра. Ему бы в лицедеи – да только кто тогда всех его мелких кормить будет?

— Что Дар Мечиславович? — скорее из вежливости и желания ещё немного понежиться на солнышке спрашивает Гнёт.

Лицо приятеля делается довольным, как у кота, слопавшего миску сметаны. Облокотившись на стену, Соловей тут же закуривает новую сигарету. Раз уж выдалась возможность ещё немного поотлынивать от работы – грех не воспользоваться.

— Ну как же? Вы что, не видели, что его племянница читала?

— Да какая разница-то? Книгу какую-то. Поди, молитво-

слов у дяди брала, зашла вернуть, — деланно равнодушно отвечает Гнёт, а сам внутренне напрягается, предчувствуя, что дал маху и упустил нечто важное.

— Ага, молитвослов, аж два раза. Я, когда ей конфету всучил, специально посмотрел, что там она читает такое интересное. Заговорник-то был, отвечаю. Причём явно не самый безобидный.

Лиходей ёршится, недовольный тем, что приятель вновь оказался самым глазастым в их компании, выставив их с Гнётом какими-то растяпами:

— А ты прямо знаешь, как заговорники выглядят? Ещё и безобидный от небезобидного отличить можешь?!

На этой фразе Соловей мигом тушется и начинает мяться. Неужто сам на досуге книжками чернобожьими балует-ся? Хотя нет, вряд ли. Во-первых, у него времени на эту чушь нет. Во-вторых, даже если бы он и верил во все эти заговоры, то проблемы предпочитал решать исключительно кулаками. Потому что так быстрее и надёжнее.

— Да у меня это... сестрёнка баловалась таким недавно. Решила приворот сделать на одноклассника.

— И как? Получилось? — с весельем в голосе интересуется Гнёт.

— Нет, конечно. К тому же в этих заговорниках сплошь порчи да проклятия. Видимо, у волхвов принято считать: нет человека — нет проблемы. Не ответил хлопец на чувства девицы? Туда его!

Хоть в чём-то с ними можно согласиться.

После визита племянницы Дар Мечиславович сделался каким-то задумчивым и даже рассеянным. Сперва сухо выдал им внеочередное задание – разобрать подсобку, потом вообще где-то пропадал постоянно, не удосужившись проверить, как идёт работа, а опосля и вовсе, кажется, забыл об их существовании.

С одной стороны, вроде и хорошо – никто над душой не стоит. А с другой – время вечернее, смеркаться начинает. Им бы уже по домам, по-хорошему. Не потому, что сильно хочется, а чтобы не получить нагоняй от родителей, решивших проявлять к своим чадам повышенную бдительность из-за полученного ими наказания.

Как будто это поможет. Ну, посерчают неделю-вторую. Потом не до этого станет. У Соловья дома шаром покати – с него первого надзор снимут. Мать, конечно, у него любит поругиваться, что сын непонятно в кого таким вырос, а от принесённой в дом копеечки ни разу не отказывалась. На Гнёта отцу вообще большую часть времени всё равно, а матушка предпочитает заниматься чем угодно, кроме воспитания сына. Сложнее всего будет, конечно, Лиходею: у того отецшибко строгий. Настолько строгий, что парню порой на улице или у кого-то из их строя молодцов-удальцов безопаснее, чем в отчем доме.

— Вы что, не ушли ещё? — пособник, тот, который выгнал сегодня слишком уж борзого послушника из трапезной,

с недоумением оглядывает их компанию, примостившуюся прямо на полу возле стены.

— Дара Мечиславовича нет нигде. Он нас отпустить должен, только запропастился куда-то, — отвечает Гнёт.

Пособник ненадолго покидает их, скрываясь в коридоре для служителей – туда посторонним вход был строго-настро-го запрещён. В том числе и им троим. Гнёту это только на руку: не заставят лишнее пространство убирать.

Когда пособник возвращается обратно, то выглядит слегка раздосадованным. Кинув на них быстрый, лишённый какого-то интереса взгляд, он милостиво отпускает их домой. Им два раза повторять не нужно.

Вечер всё ещё хранит в себе тепло, оставленное берёзо-зольским⁴солнцем, но в то же время остужает голову приятной свежестью – с запахом начинающих цвести деревьев. Вздыхнув полной грудью, Гнёт решает не закуривать, дабы не портить атмосферу сигаретным дымом. А вот друзья его придерживаются другого мнения – тут же с удовольствием затягиваются «Родным Духом».

По домам большую часть пути идут вместе. Район, конечно, спокойный. Но ведь праздник сейчас, а значит, пьяных на улице будет больше, чем обычно. В том числе молодцов-удальцов с других районов – а лишние проблемы сейчас ни к чему.

Топая между привычными многоквартирными домами,

⁴ апрельским

Гнёт невольно задумывается: а какие здания строят в других княжествах? Такие же кирпичные, приятные глазу, или высокие, серые, вмещающие большее количество жильцов? А может, там стоят более традиционные терема? Деревянные, с резными окнами, но проведёнными внутрь удобствами?

Гнёт никогда не покидал пределов Восточного княжества, и порой ему казалось, что всё, что лежит за его пределами, точно такое же: те же дома, та же природа, те же люди.

Нет, не может такого быть! У них, в Восточном княжестве, море есть – таким богатством и Столичная Белокамень похвастаться не может. Потому, видимо, и скупает у них по дешевизне всю рыбу, оставляя местному населению жалкие объёдки.

Эх, быть может, при новом Великом князе и правда жизнь полегче станет? Старый всё норовил великокняжеские земли обескровить, чтобы ни у одного князя али боярина денег и власти поболее положенного не стало. Молодой, как говорят по телевизору, хоть и сын его, но обещает всему народу мир, спокойствие и процветание. Хотелось бы Гнёту верить, что так и будет... Вот только обещать – не значит жениться.

Поравнявшись со своим двором, он кивает приятелям. Им идти малость дальше – благо, живут в соседних домах. Вдвоём, в случае чего, сдюжат.

— Ладно, пойду я. Завтра на обычном месте свидимся, — он крепко пожимает руку обоим.

— Бывай, до завтра. Береги себя, — на прощанье, хлоп-

нув по плечу, молвит Соловей.

Он будто хочет ещё что-то добавить, но, бросив взгляд на Лиходея, решает промолчать. Гнёт и так всё понимает – и отвечает на невысказанное предложение быстрым кивком. Сколько лет знакомы, научились уже и без слов понимать друг друга.

В последний день месяца Берёзозола 7489 года от сотворения рода, открывая знакомую коричневую дверь и заходя в ещё более знакомый, воняющий чем-то кислым подъезд, Гнёт ловит себя на паршивой мысли. Он первый раз за свою недолгую жизнь застал смену Великого князя. Однако у него нет даже призрачной надежды на то, что эти перемены приведут к новой, процветающей эпохе.

Глава 3. Властимира

Щелчок выключателя, и предательский свет падает на Властимиру, пойманную на месте преступления. Неосознанно сжавшись, она старается принять самый спокойный вид и ничем не выдать своей вины. Вдруг есть маленький шанс, что её секрет не раскрылся? А если и раскрылся, то ей удастся всё выставить так, чтобы выйти сухой из воды.

— Где была, голубушка?

Дышать, главное – дышать. И не давиться воздухом, выдавая своё волнение.

Сняв душегрею и повесив её на крючок в прихожей, Властимира отвечает с напускным равнодушием:

— Сначала в школе, потом в библиотеку зашла. Днём ненадолго заглянула к дяде, затем к однокласснице. Уроки у неё сделала, — последняя фраза – как подстраховка, последняя надежда на то, что удастся умаслить сурового родителя.

Растянув губы в нарочито мягкой и дружелюбной улыбке, отец смакует каждое слово с нескрываемым злорадством:

— Уроки мать потом проверит, не переживай. И мне скажет, соврала ты или нет.

Властимира согласно кивает, внутренне выдыхая от скопившегося напряжения. Пусть проверяют: она и правда всё сделала, причём на совесть. Если глаз матушки и зацепится

за что-то, то за мелкое, незначительное. За такое сильно не наказывают.

— И однокласснице позвоним, узнаем, правда ли ты у неё была и чем там занималась. Может, не уроки делала, а дурью маялась.

Здесь тоже опасаться нечего: она действительно заходила к Раде сегодня. Главное, чтобы не начали расспрашивать слишком уж дотошно – во сколько пришла и во сколько ушла. Это вряд ли: никому не хочется прослыть в глазах общественности слишком уж властным и контролирующим родителем. Это дома, за закрытыми дверями, детям можно допросы чинить. На людях принято изображать любовь и понимание.

— Ты мне лучше, голубушка, про другое поведай, — от такого издевательски-насмешливого тона и пристального взгляда спина покрывается холодным потом, — что это за книжонку ты такую раздобыла интересную? А?!

Не повезло. Как бы Властимира ни упрашивала дядю не выдавать её находку отцу и как бы тот ни кивал ей с понимающей улыбкой, всё же поведал брату о случившемся. Ну почему взрослые сперва говорят, что к ним можно обратиться за помощью, а потом бегут и треплют языком направо и налево, прекрасно зная, как тебе за это влетит?! Видимо, это одна из прописных истин, которую должен усвоить каждый ребёнок на пути своего взросления: никому нельзя доверять.

Отец продолжает сверлить её взглядом и даже наклоня-

ет по-воробыиному голову к плечу, намекая, что Властимира затянула с ответом. Чего быть, того не миновать. Поэтому она делает глубокий вздох и с робкой улыбкой отвечает отцу:

— Молитвослов. Принесла дяде посмотреть.

— Ах, молитвослоооов! Ну понятно, доченька. И давно ты чернобожи молитвы у нас читаешь?

Руки начинают подрагивать. Власта прекрасно знает, что теперь любое её слово будет вывернуто наизнанку и использовано против неё. Но старается хвататься за свою выработанную годами способность к сладкоречию, не желая сразу же уходить с головой в болотную трясиину. Она ведь и правда ничего плохого не сделала, значит, нужно идти до конца.

— Это не молитвы Чернобогу...

Договорить ей, конечно же, не дают.

— Ах, не Чернобогу! Брат у меня, стало быть, дурак! До жреца дослужился, а обычный молитвослов от бесовского отличить не может. Так, получается?

Зачем он и дальше её расспрашивает, если и слова договорить не даёт, прерывая и обрушивая на неё новые обвинения, вводя в растерянность и заставляя поверить, будто она и правда не книгу в руках держала, а целое жертвоприношение устроила – причём человеческое?

Власте начинает казаться, что совершённое ею деяние и правда куда более ужасно, чем показалось на первый взгляд, но она незаметно щиплет себя за руку, сбрасывая морок. Нет, она не совершила ничего непростительного, нельзя поз-

волить отцу убедить её в обратном. На своей правде нужно стоять до конца, иначе такая правда яйца выеденного не стоит.

— Мне просто попался сборник старых молитв, которые использовали ещё до установления Владимирского пантеона⁵. Я решила показать книгу дяде, чтобы он объяснил мне, можно ими пользоваться или нет. Потому что никакого прямого противоречия между молитвой Велесу и традиционной верой нет.

Она выбирает каждое слово, но произносит с неоспоримой уверенностью, показывая, что в ней нет ни капли сомнения. Именно такой подход не раз спасал её у школьной доски, когда Власта пользовалась рассеянностью учительницы и выдавала весьма спорные утверждения с непоколебимой верой в собственные слова – будто бы прописную истину сказывала.

— А тебя не об этом спрашивали, — как будто отцу есть до того дело, он каждый ответ по-своему исковеркает, — я спросил, брат у меня дурак или нет. Будь любезна, отвечай.

По правде говоря, дураком своего брата батюшка называл самое малое раз в месяц. В том числе по причине выбора профессии. То, что Дар Мечиславович пошёл служить вере, вызвало в их семье потомственных инженеров-конструкторов только насмешки. Когда же тот дослужился до жреца, а после – до жреца-настоятеля, шутки перешли в нападки, це-

⁵ Пантеон из Шести Богов, был принят Князем Владимиром.

любопытство, которым было обличить всех верующих людей в скудоумии, тем самым стерев заслуги Дара в пыль. Мол, это не ты такой умный и трудолюбивый, а все остальные глупые. Причём настолько, что ты на их фоне ещё ничего — эдакий молодец среди овец. А вот в нормальной профессии ни в жизнь бы так быстро по карьерной лестнице не взлетел!

По иронии судьбы стоило только Властимиру начать проявлять любопытство в сторону забытых культов, как семья тут же на неё набросилась, прикрываясь наличием в семье настоящего служителя веры. И Дар Мечиславович из дурня-простофили резко превратился в мудреца, богами благословлённого, долг которого отныне заключается в том, чтобы переубедить нерадивую племянницу. Объяснить дурёхе, что есть настоящая, принятая и испытанная временем религия, и есть кучка устаревших верований, от которых за версту несёт ересь и чернокнижием.

И оказался Дар Мечиславович меж молотом и наковальней. С одной стороны — искреннее любопытство Властимиры, которое могло привести её однажды на тот же путь, что и его самого. А с другой стороны — родное семейство, с которым выпал шанс зарыть топор войны.

— Нет, батюшка, дядя не дурак, — Властимира всё ещё пытается выкрутиться, балансируя на остром крае отцовского терпения, — поэтому я к нему и обратилась. Чтобы он мне объяснил, можно этими молитвами пользоваться или нет.

Отец всплеснул руками в деланном удивлении. В этом же-

сте отразилось незримое сходство Военега Мечиславича со своим братом. Они вообще были похожи внешне, но вот характерами разнились настолько, что бранились порой, как кошка с собакой. Пару раз даже до рукоприкладства дошло.

— Ах, не дурак! То есть может бесовщину от молитвослова отличить. Так, получается?

Все её попытки обелить себя в этой ситуации закономерно идут коту под хвост. Впрочем, ничего нового. Пора уже признать собственное поражение и смириться с неизбежным. Власта прикрывает глаза и обречённо выдыхает:

— Получается, так.

— Значит, правду сказал мне, — отец едва не кривляется, стараясь выразить с помощью мимики всё своё негодование, — что дочь моя притащила в храм Симаргла чернобожьи заклинания. Ещё и выгораживала. Мол, это молитвы такие! Моране она помолиться решила. Так, может, ты, доченька, ещё на погост сходишь? Раз набожная такая.

Надо – и сходит. Ничего дурного в том Властимира не видит. Морану издревле чтили и чтят до сих пор, невзирая на то, что она не была включена в официальный пантеон. Владычица Нави, проводница меж миром живых и мёртвых, она заслуживает того, чтобы ей воздавали должное. Покажите того, кто не молил древнюю богиню о милости на пороге смерти. Все её знают, все чтят. Просто тайком.

— Чего молчишь, бесстыжая?

А что ей говорить-то? Правду, что ли? Мол, а чего это вы,

батюшка, праведником заделались? В храм от силы два раза в год ходите, брата своего дуралеем считаете, а как речь о дочери зашла – так коршуном набросились. Не на ком больше сорваться, что ли?

Ещё одно правило, которое Власта выучила к своим одиннадцати полным годкам, заключалось в том, что люди не хотят слышать правду. Если родители призывают к тому, чтобы их чадо само рассказывало о своих проблемах – особенно о полученной в школе двойке, — делать этого ни в коем случае нельзя. Даже если обещают, что ничего плохого за провинность не будет. Особенно если обещают, что ничего плохого за провинность не будет! Будет, и ещё как.

Так и формируется поколение за поколением людей, для которых ложь – способ уживаться в этом мире. Оттого и молятся они тайком, продолжая славить Велеса, Морану, Сварога, принося гребни в дар русалкам и змеевицам, задабривая домовых... Главное – втихаря, чтоб не прознал никто.

— Книга где? — отец больше не кривляется в напускной мягкости и любезности, рывкает так, что Властимира подпрыгивает на месте.

— Нет её у меня.

Это не ложь, а полуправда. Врать не хочет до последнего: у неё от вранья горечь во рту – тошнотворное напоминание, насколько же она ничем не отличается от остальных, такая же насквозь фальшивая.

— Я не спросил, у тебя или нет. Я спросил, куда дела?

Рада не выдаст, не должна. У Рады у самой секретов от родителей – вагон и малая телега. Она не то что молитвослов – она сигареты от них прячет. И губную помаду. Так что подруженька не выдаст, не предаст. И не потому, что у самой рыльце в пушку. Просто Рада понимает, насколько сильно может влететь Власте за малейшую провинность.

— Выбросила, — горло першит, пересохло совсем. То ли от волнения, то ли от отвращения к собственному вранью.

Отец не верит. Смотрит пристально, не мигая. Каждый раз, когда он так делает, Власта думает, что вот-вот и ударит. До сих пор не бил – может, и сейчас пронесёт.

В коридоре появляется мать. Бледной тенью она подкрадывается к ним, будто призрак: тонкая, эфемерная и бесконечно красивая. Властимира бросает на неё умоляющий взгляд, надеясь, что будет спасена. Мама умеет умирять чужой пыл – она как прохладный ручей посреди невыносимой жары.

— Поздно уже. Давай я её дневник проверю и посмотрю, все ли уроки сделала, — мама произносит эту фразу совершенно равнодушно, но Власта руки ей целовать готова.

Отец лишь машет рукой, вкладывая в этот жест весь спектр своего недовольства нерадивой дочерью, и уходит в гостиную. Он ещё обязательно вернётся к этому разговору. Но то будет потом, а значит, пока можно ненадолго выдохнуть. Благодарно улыбнувшись маме, Власта шустро достаёт из рюкзака школьный дневник. Здесь ей бояться нечего:

с учёбой проблем у неё никогда особых не было. А если и были, то она знала, как их решить.

Румяна Велимудровна без какого-либо особого интереса смотрит на оценки дочери, пытаюсь найти среди пятёрок с редким вкраплением четвёрок что-то новое. Не найдя оно, устало вздыхает и кладёт тёплую ладонь на темноволосую макушку Властимиры:

— Пойдём, горе луковое. Уроки твои проверю.

Мама ласковая и добрая, она окружает невидимой заботой, и от неё пахнет выпечкой. Пока она с напускным вниманием просматривает страницы тетради, делая вид, что прекрасно понимает решение задач, Властимира любит её. Такое же лицо овальной формы, как и у неё самой, та же густая копна тёмных волос, такие же дуги бровей и прямой нос. Глаза только не синие, как у представителей рода Моросовых, а серые, будто небо перед дождём. А возле них – крошечные морщинки, которых женщина так стесняется и постоянно мажет дорогим заграничным кремом. А Власте нравятся эти морщинки – свидетели редкого смеха. Власте нравится в матери всё: она тянется к ней, как слепой котёнок, желая получить лишнюю порцию редкой ласки.

Неожиданно между бровей Румяны Велимудровны появляется скорбная складочка – вестница скорых неприятностей. Поджав пухлые губы, она поднимает на дочь недовольный взгляд:

— Власт, ну тут же ошибка. Сама что ли не видишь?! Ну

как можно проворонить было и знаки перепутать?!

А вот и ещё одна мудрость, которую нужно усвоить каждому ребёнку! Если избежать нагоняя от родителей нельзя, нужно самому выбрать, за что тебе сегодня прилетит. Не могло и трёх дней пройти, как Властимиру за что-то не отчитывали. Будь то разбитая тарелка, беспорядок в комнате или замечание, полученное в школе. И дело было не в том, что она часто косячила, – просто в семье Моросовых было незыблемое правило: если у кого-то из взрослых плохое настроение, то пришло время воспитывать дочку!

Чем огребать за действительно серьёзные ошибки, Власта давала отцу и матери волю зацепиться за что-нибудь в меньшей степени порочащее род людской. Так что ошибка в последней задаче по математике была сделана не случайно, а вполне себе целенаправленно. И пусть теперь придётся вырывать страницу и заново всё переписывать, предварительно показав верное решение в черновике, зато родители останутся довольны плодотворным результатом воспитания непутёвой дочки.

Пообещав исправить всё в ближайшее время и не выходить до тех пор из комнаты к общему столу, Властимира тут же берётся за учебники. Она и за десять минут сможет управиться, но предпочитает провозиться подольше, чтобы не вызвать лишний гнев себе на голову.

Проводив взглядом хрупкий стан матушки, она позволяет себе наконец-то выдохнуть. Но уже спустя пару секунд дверь

в комнату скрипит, и девичья спина выпрямляется от сковавшего её напряжения.

— Властимирка, ты живая? — голова младшего брата просовывается в комнату.

Русоволосый и сероглазый, он не похож ни на кого в их семье. И одновременно хранит в себе по выраженной фамильной черте от каждого из родственников – будто бы собрал всё самое лучшее от них. Серостью глаз пошёл в маму, цветом русых волос, без намёка на рыжину, – в отца, а большим сердцем – вообще неясно в кого. Неждан словно был соткан из доброты и великодушия: такая светлая, бесконечно сильная душа, запертая в слишком хрупком теле.

Власта не хочет задерживать брата в дверях или, упаси боги, заставляя его нервничать. Поэтому она дарит ему самую спокойную и ласковую улыбку, на которую только хватает её сил:

— Не печалься, братик, всё хорошо. Решу задачу и приду к вам за стол.

Неждан поджимает свои тонкие губы и воровато оглядывается по сторонам, желая убедиться, что отца поблизости нет. Тот, конечно, сильно сына отчитывать не станет, но и по головке точно не погладит.

— А что за книга-то была?

Вот же егоза! Всё ему расскажи. Тихоня тихоней, а ушки на макушке держит, ни одного слова не упустит. Ему бы в опричнину служить идти – цены такому сотрудику не будет.

— Вечером зайду, — еле слышно шепчет Властимира, — перед сном поболтаем.

Тот радостно кивает головой и, аккуратно прикрыв дверь, направляется в сторону кухни, где и трапезничают сейчас родители. Стук его костылей заставляет Власту задуматься, как же она сразу не заметила приближение брата к её комнате. Хотя в нужный момент тот умел притвориться ветошью. Вот уж точно — будущий опричник.

Пока она может наслаждаться одиночеством, мысли её вновь возвращаются к раздобытому молитвослову. В силу того, что держать его при себе возможности не было, Властимира заучивала заинтересовавшие её заговоры наизусть. В большинстве своём они действительно представляли собой обращение к богам за помощью, но были несколько, предназначенных на защиту себя и... кое-что, вызвавшее лютое негодование у дяди. Пришлось пообещать, что никаких сглазов она наводит ни на кого не будет.

И вот сейчас запретные слова так и свербят на языке — в желании быть произнесёнными. Власта касается рукой оберега, спрятанного под рубашкой. Макошь, конечно же. Кто же ещё может уберегать девицу-красавицу?

Разгневается ли богиня, если Властимира начнёт сейчас призывать на подмогу Морану? Или меж богами нет ссор и недомолвок, в отличие от людей? Дядя так и не смог дать ей точного ответа, а идти к волхвам за помощью она робела. Решив прислушаться к внутреннему голосу, Власта не нахо-

дит ничего, что могло бы остановить её от молитвы Владычице Смерти. Лишь странное спокойствие и непоколебимую уверенность в том, что её услышат.

Она делает глубокий вздох, набирая побольше воздуха в лёгкие, закрывает глаза и пытается мысленно отречься от всего, что окружает её сейчас. Будто нет ни этой комнаты, ни тревог, ни родителей за стеной.

Губы едва шевелятся, позволяя словам почти беззвучно срываться с них. С каждым словом Властимира словно растворяется, теряя ощущение своего тела в пространстве.

*Морана Вечная Владычица, Морана Матушка,
Обереги дочь свою Властимиру от порождений своих,
От Навиев.*

*Не дай задурманить буйну голову мороками, обмануться
не дай,*

*Верный путь укажи, взор мой направь,
Защити от глаза дурного, от гнева людского и от нелюдей
убереги,*

Веди дорогой своей, путём шуйным.

Вий, Чёрная Владычица...

Её молитва прерывается резким стуком об оконное стекло. Повернув голову, Властимира замечает, что это птица. Ударившись об окно, ворона начинает размахивать крыльями, силясь справиться с неожиданным препятствием. Губы

девочки дёргаются в победоносной улыбке – хороший знак.

Правда, момент торжества длится совсем недолго. Родители, видимо, всё-таки решили, что её нет за столом слишком долго. Поэтому голос отца заставляет вжать голову в плечи, разом забыв и про птицу, и про запретную молитву:

— Ну долго тебя ждать ещё?!

— Иду, — спешно отвечает Власта, закрывая учебник и складывая тетради в аккуратную стопку.

Ещё раз взглянув в сторону окна, она разочарованно отмечает, что птицы и след простыл.

Еда к её приходу, разумеется, уже остыла. Но жаловаться было бы кощунством – тем более в её провинившемся состоянии. Поэтому она старается есть как можно быстрее, не привлекая к себе лишнего внимания. Благо, телевизор на кухне имеется, и отец всецело увлечён новостями.

На экране транслируется запись речи нового Великого Князя. Он стоит на Любной Площади, слегка приобняв за плечи супругу, и вещает о том, насколько тяжёлым оказался для него приход к власти – ведь он стал возможен лишь после смерти его собственного отца. Однако, несмотря на горе, он постарается сделать всё возможное для своего народа.

В общем, обычная дежурная болтовня, состоящая из общих фраз и не несущая никакой полезной информации.

Взор Властимиры невольно останавливается на Княгине Гане. Красавица, ничего не скажешь: рыжеволосая, стройная, большеглазая, в богатом очелье и красивом голубом са-

рафане, расшитом жемчугом. В резких чертах лица её отражалась стойкость, а глаза излучали гордость, делавшую Гану ещё привлекательнее для людского взора. Просто Хозяйка Медной Горы во плоти. Отчего-то кажется, что в Княгине куда больше властности, чем в её супруге.

Великий Князь Владимир с виду – мужчина приятный, с открытым дружелюбным лицом. Но есть в нём что-то... То ли излишняя опрятность, будто его мама одевала, то ли неуверенность в голосе, то ли нарочитая мягкость в каждом движении. У Властимиры в школе его бы однозначно били – вот те самые добры молодцы, которые сегодня в храме Симаргла полы намывали!

Репортёр задаёт Великому Князю вопрос, интересующий едва ли не всю страну:

— Будете ли вы продолжать политику закрытости и централизма, начатую вашим отцом, Великим Князем Игорем?

Владимир, наверняка готовый к подобному, тут же подбирается и отвечает, глядя прямо в камеру – так, как будто говорит это непосредственно семейству Моросовых из Восточного Княжества:

— Я бы не давал столь однозначной характеристики политического направления развития нашей страны. Однако могу точно сказать, что мы готовы начать сотрудничество с нашими зарубежными друзьями в любой момент. Главное, чтобы они и сами были настроены на взаимовыгодный тандем.

Репортёр – невидимый кукловод этой беседы – решает за-

дать уточняющий вопрос:

— И всё же, стоит ли ожидать, что в дальних княжествах будет расти суверенитет или же, напротив, вы придерживаетесь принципа усиления единства государства?

Владимир Игоревич улыбается и поправляет волосы небрежным жестом, словно его застали врасплох. Он похож сейчас не на государственника, единственного правителя Великого Княжества, а на растерянного прохожего, к которому среди бела дня подошли журналисты. Интересно, это у него случайно получается или является заранее отрепетированной манерой поведения?

— Могу сказать точно, что я приложу все усилия для повышения качества жизни во всех частях нашей огромной и прекрасной страны. Что же до усиления или ослабления централизма, то тут, я полагаю, нужно придерживаться принципа золотой середины.

— Ни рыба ни мясо, — бурчит отец, и Властимира полностью с ним согласна.

Новый Великий Князь и правда не производит ровным счётом никакого впечатления. «Золотая середина», надо же! Видимо, пытается доказать всем и каждому, что его не надо сравнивать с отцом, прославившим жёстким политиком. Как по мнению Власты, покойный Игорь Владимирович был ещё недостаточно жёстким. Чтобы навести порядок в Восточном Княжестве, нужны и деньги, и поддержка из Столицы. А пока будут уповать на местную власть, так и продолжат жить в

застое. Если не хуже.

— Ну, Военежа, посмотрим. Глядишь, и деньги будут оставаться внутри княжества, а не утекать в Центральное Казначейство, — вступается за нового правителя мать.

— Ага, правильно говоришь. Будут деньги оставаться внутри княжества – прямиком в карманах местных чинуш⁶, — отмахивается Военег.

Властимира хмыкает, мысленно желая местному князю, управляющему Восточными Землями, побыстрее через речку Смородину пройти по Калинову мосту⁷. Учитывая его возраст и состояние здоровья, пожелание вполне может сработать.

— Было бы лучше, если бы деньги в столичных карманах оседали? — меж тем продолжает спорить Румяна. Не из упрямства, а скорее чтобы отвлечь супруга беседой – и от хмурного настроения, и от недовольства дочерью, и от вечного желания к чему-то придраться. Пусть лучше цепляется к политикам, чем к домочадцам.

— Да что ты мелешь-то! — отмахивается Военег. — У Огневич-Миролюбовых и так денег куры не клюют. Что им воровать? Это наш местный из грязи в князи выбился – всё брюхо набить себе не может. Как помрёт, надеюсь, нам сюда кого-то из столичных отправят. Вон, из Щукиных кого-ни-

⁶ Чинуша - грубое название чиновник.

⁷ Калинов мост соединяет мир живых (Явь) с миром мёртвых (Навь). Под ним течёт река Смородина.

будь, например.

Щукины были семьёй, приближённой к Великокняжеской. Ну, точнее – к Огневич-Миролюбовым. Официально в стране не было правящей династии: Великий Князь выбирался Великим Собором. Вот только выбирался он из числа наиболее родовитых семейств. И последние три правителя принадлежали именно к семейному древу Огневич-Миролюбовых.

Пока родители заняты спором о политической ситуации, Властимира наливает себе и брату чай. Добротный, маньчжурский, хоть и купленный втридорога. С импортными товарами было тяжело. Благо уже весна, и скоро можно будет пойти в лес за травяным сбором. Хотя у семьи Моросовых нет особой потребности в экономии, благоразумие никогда лишним не будет.

Да, они живут лучше большей половины населения Восточного Княжества: в их хоромах целых три просторных комнаты, а на столе есть не только самое необходимое, но и разного рода приятные излишества. Полки в ванной комнате заставлены дорогими заграничными мыльно-рыльными средствами.

И всё же едва ли они смогут когда-нибудь полностью восстановить здоровье ног Неждана. А жить калекой в дальнем княжестве – удовольствие не из приятных. Ему постоянно нужны поддерживающие процедуры и довольно дорогие лекарства, а уж про операцию и думать страшно.

Сидя на кухне в кругу своей семьи перед телевизором, показывающим столь красивую и недостижимо далёкую картину Белокаменной, Властимира Моросова ловит себя на какой-то странной, но очень ясной мысли. В ней просыпается отчётливая уверенность, что скоро не только Восточное Княжество, но и всю страну ждут огромные перемены. Непонятно только, к лучшему или худшему.

Глава 4. Гана

Гана облегчённо закуривает тонкую «Боярыню» и закидывает ноги, обтянутые любимыми джинсами, прямо на стол. От вредной, но такой приятной привычки, приобретённой в студенческие годы, она так и не избавилась. Да и не особо-то хотелось: должны ведь в жизни быть хоть какие-то маленькие радости.

От постоянного мельтешения родственников мужа перед носом у Ганы начались мигрени. Пора признать: её супругу никто самоуправством заниматься не позволит – будут исправно контролировать каждый его шаг. Великий Князь, конечно, умел с помощью мягкой силы сглаживать острые углы, но Услава Олеговна раз за разом умудрялась давить на его неуверенность, тем самым перенимая бразды правления. Причём не полностью – из-за чего картина складывалась весьма удручающая.

С одной стороны – перетягивание ресурсов из дальних княжеств в Белокамень. С другой – Владимир со своей политикой невмешательства, заключающейся в том, что каждый князь должен сам справляться с возложенными на него обязанностями. Всё это грозило перерасти в нехилый такой политический кризис. Но идти на уступки и следовать какому-то единому плану никто, разумеется, не хотел. Как и слу-

шать Гану.

То, что её, выходцу из Южного Княжества, будут считать здесь, в Столице, чужой, она понимала сразу. Белокаменные родовитые семейства крайне консервативны в этом вопросе. Тем более Гана происходила из рода Старицких, с которым у Огневич-Миролюбовых были весьма натянутые отношения. Однако она всеми силами пыталась найти подход к новообретённым родственникам – так же, как когда-то нашла его и к Володе.

Страхнув пепел с сигареты, она задумывается: а не плеснуть ли себе немного коньяка? Нервы в последнее время расшатались, а позволить себе ударить в грязь лицом Гана не могла. Нужно быть всё время на виду: отвечать на вопросы журналистов, общаться с боярами, посещать благотворительные мероприятия – и, самое главное, не затмевать супруга. Этого ей точно не простят. Пока что.

«Боги, а ведь у нас ещё относительное равноправие в стране!» — мысленно вздыхает она.

Размышления Ганы прерываются самым нахальным образом. Стоит дверям в её горницу распахнуться, как Княгиня вздрагивает от неожиданности, едва не выронив сигарету. К счастью, это Владимир. И правда, кто ещё может врваться в покои супруги без предварительного стука? Только Великий Князь, по совместительству законный супруг, и...

Высокая, худощавая фигура в неизменно чёрном одеянии могла принадлежать лишь одной персоне. Видеть которую

у Ганы не было никакого желания – особенно сейчас, когда она предавалась праздному безделью и вредным привычкам.

— Ган, ну ты бы хоть окошко открыла, — благо, Владимир никогда не попрекал её курением. — Дышать же нечем.

Потушив окурок о край пепельницы, Княгиня одаривает мужа раздражённым взглядом. Его видеть она, конечно, всегда рада – в отличие от саркастично улыбающегося Аспида, которого Владимир на кой-то чёрт притащил с собой.

«Прекрасно, — думает Гана, — теперь и опричнине станет известно о моём пристрастии к табачным изделиям».

— Продует, — Гана не оправдывается, скорее обозначает своё отношение к сквозняку, извечно задувающему в их тереме по причине открытых окон.

— Какое «продует»? На дворе изок месяц⁸.

Владимир падает в кресло напротив неё и устремляет взор в потолок. Выглядит не то чтобы уставшим – скорее взвинченным. Государственные дела оказались, на поверку, не столь приятными, как ему казалось. Да и наследие, оставленное отцом, продолжало давить на плечи тяжкой ношей.

Аспид, не спрашивая разрешения, тенью скользит по горнице, чтобы присесть на мягкий диван. Кажется, ему вполне уютно – в отличие от Ганы, которую неожиданное присутствие опричника на собственной половине Великокняжеского Терема порядком напрягает. И пусть её положение обязывает к проявлению гостеприимства, предлагать чай она точ-

⁸ Изок – июнь.

но не собирается.

«Незванный гость, знаете ли, хуже басурманина», — мысленно заключает она.

— Володь, что-то случилось?

Тот тяжело вздыхает и запускает руку в волосы — забавная привычка, подкупившая её ещё во время их знакомства. Несмотря на то, что у них с Владимиром была серьёзная разница в возрасте — двенадцать годков, — он казался ей порой таким молодым и полным жизни. Ни возраст, ни положение не смогли стереть жизнерадостного выражения с его круглого, гладкого лица. В густых русых волосах — ни одного седого волоса, а морщинки в уголках глаз не рассмотреть, ежели сильно не приглядываться. Было ли то следствием правильного образа жизни или банальной беззаботности — поди разбери.

— В Восточном Княжестве князь помер. От диабета. Громобой своего брата на его место поставить хочет.

То, что Щукины везде норовили пропихнуть своих родственников, для Ганы давно уже не новость. Однако в данном случае она не видит в подобном шаге ничего дурного.

— Не худшая кандидатура. Да и в Восточных Землях сейчас чёрт знает что творится: то ли рост безработицы, то ли преступности, то ли и того, и другого. Пусть Громобой брата отправит — тот мигом порядок наведёт.

— Ганка, речь про двоюродного брата, — чуть ли не воеет Владимир. — Он у него вообще скудоумный.

Аспид заходится тихим смехом, вновь обращая на себя внимание. Поняв, что разговор предстоит серьёзный, Княгиня нехотя спускает ноги со стола и стремится занять положение, соответствующее правилам приличия.

— Главное, что человек наш, — осторожно прощупывает почву Гана. — В случае чего вовремя доложит. На это ведь ему ума хватит?

— Боюсь, что нет, Княгиня-Матушка, — опричник решает присоединиться к их беседе. — Весемир Воеславович настолько боится прослыть дураком, что до последнего будет держать язык за зубами. И рот откроет, когда уже поздно что-то предпринимать будет.

Она переводит взгляд на мужа. Тот молчит, не возражает — значит, согласен с Аспидом.

— Ну так на то у нас опричнина имеется. Пусть приглядывают за этим... Весемиром Воеславовичем.

— Гана Мстиславовна, вы вообще представляете ситуацию в дальних княжествах? Что с опричниной, что с простой дружиной, что с Сыскными Палатами? — спрашивает Аспид.

От такого вопроса, явно таящего в себе намёк на её неосведомлённость, зубы сводит. Как же ей хочется послать этого умника либо в сад, либо в огород! Но вместо этого Гана натягивает холодную, выработанную годами улыбку и лёгким кивком головы выражает заинтересованность:

— Посветите же меня.

Аспид только этого и ждал. Вмиг приосанивается, закинув одну длинную ногу на другую. «Какой же он долговязый, смотреть тошно», — думает Гана. Поправив воротник неизменно чёрной рубашки с едва заметной алой рунической вышивкой, опричник начинает вещать своим тихим, немного хриплым, будто от лёгкой простуды, голосом:

— Покойный Великий Князь Игорь Владимирович стремился к политике крайнего централизма, — будто учебник пересказывает он, — и стягивал все ресурсы в собственные руки. Кто-то может назвать такой подход автократичным, но сути это не меняет. Самая большая доля от податей, самые лучшие кадры, самые могущественные жрецы и даже кудесники оказались именно в Столице. Как следствие, дальние княжества испытывают кадровый голод. В опричнину берут молодчиков, которых бы лично я даже на порог не пустил. Про Сыскную Палату вообще молчу: лучшие из лихоборцев просто закрывают глаза на мелкие и средние преступления, а худшие принимают в них активное участие.

— То есть, если мы поставим Весемира Щукина на должность Восточного Князя, пригляда за ним никакого не будет?

— То есть – да.

Гана глядит на Владимира, но тот кажется отстранённым, будто развернувшаяся дискуссия его толком и не касается. Он сполз по спинке кресла, будто растёкся в нём, и барабанит пальцами по подлокотникам. Голубые глаза столь внимательно смотрят в потолок, будто на нём вот-вот проявятся

веды, открывающие тайну государственного правления.

— Сигарету? — вновь обращается к Аспиду Гана. Не из альтруистического желания поделиться куревом — простая вежливость. Да и вряд ли опричник курит тонкие, столь любимые женщинами сигареты «Боярыня».

— Благодарствую, Княгиня-Матушка. У меня свои имеются, — отвечает тот.

Ловким движением руки Аспид извлекает из кармана брюк пачку заграничных крепких сигарет.

«Неужто кофейные? Редкие, заразы», — мелькает у Ганы мысль, и у неё аж слюнки текут.

Она достаёт из ящика вторую пепельницу и встаёт с кресла, чтобы вручить её опричнику. Не хватало ещё, чтобы он пепел на её любимый ковёр стряхивал. Персидский, на минуточку! Не казённый какой, а купленный на свои кровные.

Владимир при виде сего безобразия аж подбирается и с завистью глядит на них двоих. Сам он никогда слабости к табачным изделиям не испытывал, но упорно пытался познать таинство курильщиков. Всё же есть в этом некая ритуальность: достать сигарету, прикурить, сделать первую, самую сладкую затяжку и красноречиво молчать. Интересно, о чём молчат друг с другом курильщики?

— Вы бы, чем организм травить, лучше посоветовали бы чего дельного, — обиженно надувает щёки Володя. — В Восточном Княжестве достойных кандидатур нет. Один бандит, второй ворюга. Надо и правда своего кого-то ставить, но

как-то это всё... как-то...

— Как?! — не выдерживает невнятного мямленья Гана.

Боги праведные, Владимир теперь стоит во главе государства – пусть уже научится твёрдости хотя бы в словах. У Ганы за три с половиной года брака уже терпение заканчивается от этой хронической неуверенности и чрезмерной обходительности. Из него каждую мысль клешнями тянуть приходится, чтобы избежать хождения вокруг да около.

— Как-то авторитарно, — спокойно отвечает Владимир. — Я не хочу следовать тому же пути, что мой батюшка в своё время. Я хочу дать людям свободу. Но как я это сделаю, ежели в стране так сильно вырос показатель уровня преступности?

— Никак, — равнодушно выпускает колечко дыма Аспид. — Либеральные методы работают только в либеральных структурах. Пока у нас централизм, автократия или же формирование преступных группировок в отдельно взятых округах, про мягкие методы можно забыть. Здесь нужна сильная рука. Только не Щукинская.

О, как! Кажется, опричник не питает особо тёплых чувств к этому славному боярскому роду. А Гане казалось, что он с Громобоем чуть ли не дружбу водит. Ещё один повод не доверять этому змею. Двуличный гад: в глаза улыбается, а за спиной так и норовит укусить.

Владимир упирается локтями в колени и опускает лицо в ладони. Выглядит вымотанным, как выдавший виды клу-

бок шерсти, — а ведь всего пару месяцев, как принял бразды правления. Неужто шапка Мономаха и правда настолько тяжела?

— Вот не хочу я так, — и вновь он упрямится, будто дитя малое, — назначать кого-то, ставить нужного человека, при этом лавируя меж близкими, дабы никого не обидеть. Быстрее бы уже Вадим вырослел. Из него выйдет Великий Князь куда лучше, чем из меня.

По спине ползут мурашки. «Он это сейчас серьёзно?!» — думает Гана. Она спешно кладёт сигарету на край пепельницы, чтобы не выдать дрожь в пальцах. Она хочет верить, что это секундная слабость и её муж не сложит с себя добровольно бразды правления. Вот что значит родиться с золотой ложкой во рту: с малых лет получать всё, что пожелаешь, на блюдечке с голубой каёмочкой. Гане этого не понять. Ей приходилось землю грызть за место под солнцем.

Сперва — поступать в самую престижную академию страны, на факультет политологии, куда конкурс был исключительно для знати. Потом стать одной из лучших на потоке, дабы получать приглашения на важные мероприятия и завоевывать авторитет не только красавицы, но и умницы, достойной в будущем занять государственную должность, а то и место в боярской думе. И не забывать при этом ходить на светские гульбища, где можно было познакомиться с кем-то стоящим. Именно на одном из таких мероприятий она и встретила Владимира.

Завоевать внимание княжича особого труда не составило – благо природа красотой не обделила. Но ведь сложность заключается не в том, чтобы просто сделаться объектом чужого интереса. Куда важнее его удержать. Учитывая, что Володя был сыном Великого Князя, девок за ним таскалось море. И каждая хороша – аж зубы от зависти сводит. Приходилось плести кружево интриг, постоянно ускользать в последний миг из страстных объятий, быть одновременно соблазнительной и неприступной. А ещё – понравиться его родителям.

Гана была из Старицких – рода знатного и богатого, но со слегка подмоченной репутацией. Так что у Огневич-Миролюбых она вызвала смешанные чувства. Улада Олеговна глядела на неё надменно и неприязненно, считая, что Володеньке следовало бы найти себе более кроткую партию. Зато Великому Князю умная и бойкая невестка пришлась по душе. Он, конечно, не мог отказать себе в удовольствии лишний раз ущипнуть её самолюбие, но в целом относился добросердечно и даже уважительно. Так что в этой партии у Ганы вышла ничья.

Можно ли назвать её отношения с мужем браком по расчёту? Безусловно. Но кто из людей их положения бросается в омут с головой?! Будь она девочкой из обыкновенной семьи, дольше чем на пару месяцев точно бы не задержалась. Так что посыпать голову пеплом и каяться в собственных амбициях Гана точно не намерена. Тем более что из них с Воло-

дей и правда вышла хорошая пара.

— Будет тебе, княже, — видя, что молчание в комнате затянулось, опричник решает вернуть их всех в русло прежней беседы, — Вадим, конечно, парень хоть куда, но ты уж слишком рано пытаешься груз на его плечи переложить.

— Твоя правда, — с лёгкой улыбкой вторит опричнику Великий Князь. — Есть кандидатуры на должность Восточного Князя кроме Щукина?

— Ежели надо, найдём. Вопрос в том, а надо ли.

Гана смеряет Аспида оценивающим взглядом. «Его бы Ужом прозвать следовало, — думает она, — вон как извивается». Надо – не надо, ты только слово молви, княже, а я всё сделаю. Сам же пел, гад, что за Щукиным пригляда никакого не будет. А теперь будто бы его сторону занял.

— Может, кого-то из проверенных дружинников или опричников? — она старается говорить спокойно, так, чтобы муж потом думал, что светлая мысль ему сама в голову пришла.

— Дружинника нельзя, Громобой обидится.

Великий Князь боится чьих-то обид? Да его отец поступил бы как душа пожелает и слушать бы никого не стал. Ладно, Гана здесь не для того, чтобы спорить. Её дело – наставить супруга на верный путь. Как говорится, вода камень точит.

— Верно, верно. Как-то я не подумала. А может, есть кто на примете, кого умаслить прямо надо? Поставим его, а Гро-

мобою скажем, что так было нужно для блага государства. Тут он нас послушает.

Аспид аж смешком давится в ответ на это предложение. Но, перехватив холодный взгляд Ганы, умолкает и поднимает руки вверх, будто сдаётся:

— Право, Княгиня-Матушка, не над тобой смеялся. Просто представил, кого ж это столь жирным куском умасливать будем. Кого-то явно очень голодного. Кстати, у тебя сейчас сигарета истлеет совсем.

Выругавшись под нос — за что получает недовольный взгляд от супруга, — Гана спешно хватает «Боярыню» и делает последнюю затяжку, после чего с чистой совестью тушит сигарету.

«Вот ведь жук навозный, — думает она, — и поди разбери, что он на самом деле думает по поводу всего этого».

Аспид вообще человек уникальный: всегда на виду, всегда на подхвате и вроде открыт к любому разговору. Но что в его голове творится, никто не знает. Скользкий гад. Гана не удивится, если он на самом деле на стороне Щукина и разыгрывает весь этот спектакль лишь с целью выслужиться в глазах Великого Князя.

Володя, будто почувствовав мысли жены, поворачивается в сторону вольготно устроившегося на диване опричника. Слегка нахмутив густые брови, Великий Князь решает пойти на самую мудрёную военную хитрость, какую только можно выдумать: спросить прямо, словами через рот.

— А ты, друг мой, что предложить можешь?

На какой-то миг Гане думается, что вот и наступили змее на хвост. Сейчас Аспид начнёт мяться на одном месте, пускаться в пространные рассуждения, а потом просто возьмёт и сведёт всё к кандидатуре Щукина. Однако её надеждам не суждено сбыться.

— Считаю, пусть народ Восточного Княжества сам выберет своего правителя. Вот прямо из числа местных воров да лиходеев. А дальше — одно из двух. Либо у выбранного ими Князя проснётся осторожность, и он запляшет под нашу дудку. Либо он начнёт творить такое, что его подданные сами к тебе, Владимир Игоревич, на поклон пойдут. И тогда уже спокойно себе поставим кого-то достойного. Благо, времени будет больше, чтобы этого кого-то выбрать.

«Он гад не только скользкий, но и умный, — размышляет Гана. — Мне определённо нравится такой ход мысли. И не нравится, что я не сама до этого додумалась».

А ещё её пугает, что этот человек может однажды оказаться её врагом.

— Хитро, — согласился Владимир, — но как-то не по совести. Получается, мы людьми рискуем. Сперва заставим выбрать дурного правителя, а потом своего человека на его место назначим. Нет, я так поступать не желаю.

Самое противное, что вот это Володино «не желаю, не хочу» на деле оказывается крепче любого аргумента. Всё же он остаётся сыном своего отца и унаследовал упрямство Огне-

вич-Миролюбых с лихвой – в отличие от решительности, жёсткости и хитрости. В результате Владимир не в силах следовать хладнокровной политике, подразумевающей определённые жертвы, но и собственных решений принять не может. Потому что одно дело – «хочу–не хочу», и совсем другое – нести за это «хочу» ответственность.

В двери горницы кто-то стучит, вынуждая их троих вновь прервать свою беседу. Оказывается, пришла одна из нянек оповестить, что княжич Владимир Владимирович проснулся и расплакался, требуя материнской ласки и внимания.

Разумеется. Ведь это задача матерей – бросать все дела, в том числе государственные, и идти успокаивать ребёнка. То, что прямо сейчас здесь сидит и отец Владимира Младшего, никого не смущает. Может, с задачей успокоить сына Великий Князь справится куда лучше, чем с принятием важного политического решения. С последним Гана готова ему подсобить: политик из неё куда лучший, чем мать.

Признать свою слабость было нелегко, однако она справилась – и сразу же как-то сделалось легче. Глупо отрицать, что отсутствие желания постоянно сюсюкаться с ребёнком и не выпускать его из рук ради куда более увлекательных и полезных дел – вполне обычное для женщины дело. Гана прекрасно видит, сколько времени та же Ольга уделяет своему выводу. Да почти все её знакомые, успевшие обзавестись потомством, любую беседу пытаются свести именно к детям! А Гане откровенно плевать, как другие справляются с коли-

ками и режущимися зубками. Ей главное – решить эту проблему, а не создавать вокруг неё целый культ, посвящённый тяготам материнства.

И всё же, какой бы ни была она плохой матерью, она старается. Старается нанимать хороших няnek для сына, старается читать ему сказки перед сном, старается отучить тянуть в рот всё подряд, старается целовать его в лобик, чтобы успокоить. Вот и сейчас, вместо того чтобы решать судьбу Великого Княжества, она сажает Володю на колени и пытается с ним разговаривать. Он, конечно, пока не может вести конструктивную беседу, но на её речь реагирует вполне осознанно и даже называет её «мамой».

У нянюшки это вызывает умиление. У Ганы – спокойное принятие того факта, что её сын не дебил. Начать говорить в год и один месяц – это нормально. И да, слово «мама» обычно первое, которое произносят дети. Было бы странно, если бы первым словом Володи было «капитализм».

Гана старается говорить с сыном нормально, а не с помощью сюсюканья и коверканья слов. Преимущество быть «плохой матерью» заключается в том числе и в столь полезном навыке.

Когда Володенька получает свою порцию внимания, Гана с чистой совестью передаёт вновь задремавшего ребёнка няне и возвращается в свою горницу – которую впору бы уже делать вторым кабинетом.

Аспида след простыл, зато Владимир Старший до сих пор

здесь: развалился в кресле, закинув длинные ноги на один подлокотник и оперевшись спиной на другой. Ну вылитый мальчишка! Толку что Великий Князь, разменявший уже тридцать седьмой годок. Глядя на него, сроду вот так просто возраст не определишь. Как и чин.

— Закончили? — Гана ласково улыбается супругу, становясь подле него.

Тот устало кивает, продолжая теревить руками оберег, ви-сящий на шее. Стрибожий, подмечает Гана.

— И как? На чём условились?

Чутьё подсказывает, что ни на чём хорошем. Пока её не было, опричник явно сумел обвести Владимира вокруг пальца и надоумить на то решение, в котором сам превыше всего был заинтересован.

— Решили Щукина назначить.

Ну вот, что и требовалось доказать! Худшее из возможных решений.

— Что, вообще других кандидатур не нашлось?

— Аспид всё на своём стоял. Мол, давай пусть сами кого хотят выберут, а мы потом вмешаемся. Я уж и про одного, и про другого думал, но как-то всё не то. Решил: надо Весемира ставить. Он, конечно, не семи пядей во лбу, но, может, хоть научится чему. Да и людей к нему приставим, чтоб пригляд был.

Пока он говорит, Гана гладит его буйну головушку. Владимир всегда был тактильным, будто дворовый кот, подобран-

ный и пригретый после долгих лет скитаний. Это было одновременно и хорошо, и плохо. Хорошо, потому что она могла успокоить или отвлечь его простой лаской. Плохо, потому что Владимир порой требовал слишком много внимания – и прикосновений.

— Ты доверяешь ему?

Князь лениво открывает глаза, глядя на неё сонно и рассеянно. Теперь понятно, в кого Володенька-младший так легко засыпает. Даже завидно: сама Гана частенько мучилась бессонницей.

— Кому? Весемиру Щукину?

— Аспиду.

Владимир тут же подбирается, садясь нормально. Смотрит серьёзно – значит, её слова угодили прямиком в яблочко. Ранее Гана старалась обходить тему чрезмерно близкого общения мужа с этим человеком, но её неприязнь к последнему чувствовалась в каждом мельком брошенном взгляде. Всё в опричнике вызывало в ней какую-то звериную настороженность: того гляди, нож в спину воткнёт.

— Ган, скажу прямо: он мне нравится.

— Мне начинать ревновать? — Княгиня лукаво щурит серые глаза.

— Тьфу ты, не в этом смысле! — Володя чуть на месте не подпрыгивает, прослышав намёк на явление пусть и довольно распространённое, но не принятое к обсуждению. — Мужик он просто толковый. Всегда по делу говорит, честно,

не кривя душой.

— Володь, он опричник. Кривить душой – это его работа.

Тот в ответ лишь глаза закатывает да вытягивает длинные ноги. Сидеть на одном месте неподвижно ему одновременно и легко, и тяжело. У Великого Князя, с одной стороны, как будто шило в мягком месте, мешающее зафиксироваться в одном положении, а с другой – извечный упадок сил и праздная лень.

— Ганушка, твоё недоверие понятно. Но ты как-то уж слишком сильно обесцениваешь опричнину. Да, работа специфическая. Но ведь работа, а не разбой на большой дороге. К тому же одно дело – прямые должностные обязанности, и совсем другое – что у человека в голове. Так вот, у Аспида в голове полный порядок. Аж завидно.

Спорить бесполезно. Лучше сделать вид, что поверила, и продолжить наблюдать. Заметит, что опричник воду мутит, — начнёт невзначай петь на ухо Володе. А лучше – Усладе Олеговне. Она барыня решительная и весьма мнительная: от неугодного человека избавится глазом не моргнув.

Надо бы и Гане получше приглядеться к Аспиду. Как говорится, врага надо знать в лицо. А всё, что она пока знает о нём, – так это внешность, приблизительный возраст и набор раздражающих её привычек. Например, таскать с собой флягу с алкоголем и пачку крепких кофейных сигарет.

Ну вот, теперь и ей завидно.

— Слушай, а как он на эту службу попал? Родственные

связи? — Гана старается между делом выяснить что-нибудь любопытное, а заодно притвориться, что поверила в доброту и порядочность опричника.

— Не угадала, — улыбается Владимир. — Он вообще родом из Большереченского Княжества. Из родственников только дед в дружине местной служил – вроде как сотник. Так что Аспид сам в опричнину пробивался. Сперва в Кашине отучился в Академии, потом его уже сюда перевели.

Стало быть, хорошо учился, раз перевели. Правда, одно дело – просто стать опричником, а другое – в чёрные выбиться. Да ещё и в относительно молодом возрасте. Сколько ему – тридцать? Или и того меньше? Лицо у него гладкое, лишённое морщин, но осунувшееся, с глубоко посаженными глазами и впалыми щеками, будто он недоедает и недосыпает. И всё же Аспид довольно молод – а уже вхож в Великокняжеский Терем. Шустрый малый.

Володя касается губами её руки и тянет на себя так, чтобы она оказалась у него на коленях. Руками убирает рыжие волосы с одного плеча и довольно трётся носом о чувствительную кожу. Гане щекотно от этого, она силится уйти от касаний, но супруг лишь крепче сжимает руки вокруг её стана.

— Володенька спит уже?

— Спит, — прикрыв глаза, шепчет Гана.

— Вот и ладно. Соскучился я по тебе, красавица моя.

Всё же, несмотря на нерешительность и постоянную нехватку энергии, делавшую принятие каждого мало-маль-

ски важного решения настоящим испытанием, Великий Князь оставался и правда крайне тактильным человеком. Порой от такого внимания делалось утомительно. Но чего не сделаешь во имя государства?

Глава 5. Гнёт

Получать по морде больно и неприятно, но почти привычно. А ещё до противного обидно. Потому что одно дело, когда прилетает от кого-то из бойков или даже тёртых – заслуженно, за дело. А совсем другое – когда твоя рожа страдает от рук родного отца, уважение к которому растаяло несколько лет назад, подобно огарку свечи.

Удар, пришедшийся на скулу, пусть и не очень сильный, зато чёткий и быстрый – выбивающий из колеи и заставляющий лицо неприятно гореть. Всё же бить морды его батюшка пока ещё не разучился.

— Что, щенок, опять за своё взялся?! Опять за тебя краснеть придётся?! — схватив его за ворот задрипанной вышиванки, рычит сквозь зубы Смеян.

— Краснеешь ты только от водки, — огрызается Гнёт.

— Что сказал, выродок?!

Второй удар приходится по тому же месту, но уже вскользь, едва задевая скулу. Гнёт в очередной раз возносит мысленные благодарности улицам родимого Востокграда за жёсткие, но полезные жизненные уроки. Именно благодаря им он сумел вовремя уклониться от удара – пусть и не совсем успешно.

Следующим движением Гнёт стряхивает руку отца и де-

лает пару шагов назад, увеличивая дистанцию между ними. Бить в ответ желания большого нет, но, если отец вовремя не уgomонится, то придётся. Смирно стоять и терпеть побои от этого упыря Гнёт точно не собирается. У него ещё осталась гордость.

Мать, до этого молча ютившаяся в дальнем углу и испуганно прижимавшая ладони к груди, заходится драматическим воплем и бежит вклиниваться меж отцом и сыном. Расставив руки по сторонам, она готовится грудью броситься на амбразуру. Будто её мужа это остановит! Будто он не лупил и её саму смертным боем до этого дня...

Гнёту тошно видеть её унижение, и он силится задвинуть мать себе за спину, тем самым обезопасив от будущих ударов. Вот только узкий коридор не располагает к таким манёврам.

«Если он поднимет на неё руку, я убью его, — думает парень. — Буду бить, пока он не потеряет сознание. Плевать, что дальше».

— Смеян, оставь ребёнка в покое! Он и так битый всё время ходит – что люди подумают?

Вот это «что люди подумают» было оплотом жизни ма-тушки. Уйти от мужа, распускающего руки, нельзя – что люди подумают! Жаловаться на рукоприкладство тоже нельзя: скажут, сама виновата, спровоцировала, вовремя язык свой бабский не прикусила. Забрать сына от отца-тирана и отправить к деду и бабке нельзя: люди начнут судачить, что без

мужской руки растёт. Позволять чересчур сильно мутузить сына тоже нельзя – заметят добрые соседи, что в синяках ходит, ещё что-нибудь не то скажут.

Вот так она и живёт – неизменным лавированием меж мнениями людей, которым и дела-то до неё нет. Ни до неё, ни до пьющего супруга, ни до непутёвого сына.

Отец раздражённо машет рукой и уходит в кухню, дабы плеснуть себе рюмку. Ничего нового, всё как обычно. Гнёт прикладывает руку к лицу, убеждаясь, что скуловая кость целая. Синяк, конечно, будет знатный, но ему не привыкать.

Мать за рукав вышиванки тащит его в ванную умыться. Пока Гнёт трёт руки с мылом, тщательно вымывая грязь из-под ногтей, она всё приговаривает да причитает:

— Ты отцу не перечь. Знаешь же, он у нас норовом вспылчив, да отходчив. Сейчас поест, успокоится. Только сам не начинай первый. Поддакивай ему да помалкивай.

Гнёт сдерживается от язвительного комментария, что не нанимался быть китайским болванчиком, но вовремя прикусывает язык. Она ж как лучше хочет. Просто не может дать другого совета, кроме того, которым всю жизнь сама пользуется. Женщин за такое винить нельзя – их только жалеть можно.

Он успокаивающе обнимает мать, поражаясь тому, какая же она маленькая. Сам он ростом пошёл в отцовскую линию: сорока одного с половиной вершков в высоту⁹вымахал, косая

⁹ Примерно 184 см.

сажень в плечах, хоть сам по себе и худощавый малость. А вот матушка ему едва макушкой до плеча дотягивается. Как он может ей дерзить, перечить? Роднее её никого нет – матерей уважать должно, таков закон. Узнай кто, что он матушку огорчать вздумал, спросят – мало не покажется. И поделом.

Выйдя из ванной, он направляется в кухню, которая приходится ему по совместительству ещё и спальней. Усевшись на выдавший виды стул, обещающий вскоре превратиться в табуретку, Гнёт ждёт, пока матушка наполнит его тарелку. Он мог бы и сам, да у отца от такого мигом шерсть на загривке дыбом встанет. Смеян Новикович свято уверен, что это женская обязанность – за столом прислуживать. То, что женщина вровень с ним на работе пашет, его почему-то не колышет.

На ужин сегодня зелёные щи – самое то для ранней осени. Бульон вроде даже на кости сварен: в их доме такое – редкость. Под пристальным взглядом отца Гнёт принимается за трапезу, щедро сдабривая щи сметаной.

— У бабки был сегодня?

Содержимое ложки едва не выливается на стол, но Гнёт успевает вовремя подставить ладонь. Матушка принимается за причитания, что дитяtko обожгло руку, но ему такое – хоть бы хны. Сам тянется за кухонным полотенцем и вытирается, не обращая внимания на лёгкую боль в ладони. Вопрос отца застал его врасплох.

— Был.

— И как она? Плохо, поди, живётся на государственную пенсию, да на мои гроши?

На государственную пенсию жилось бы неплохо, если бы цены не росли как на дрожжах. А так... На кусок хлеба с маслом, конечно, хватает — да и будет. Что же до отцовских грошей, то на них в лучшем случае на три-четыре дня протянуть можно. Гнёт старался сам помогать бабушке, чем мог: то мешок сахара притащит, то муки для пирожков, а то и картошкой умудрится разжиться. Отцу об этом, правда, лучше не знать — а то начнёт, как в прошлый раз, причитать, что его матери бандитские подачки ни к чему, и пойдёт ещё всё принесённое ей в дом обратно выносить.

— Тяжко живёт. Но справляется, — бурчит, не поднимая головы. Смотреть на рожу напротив, так похожую на собственную, только порядком пропитанную, желания нет.

— Как же, справляется, — ворчит отец. — Как в следующий раз к ней соберёшься, скажи, пусть дурью не мается, к нам переезжает. Мы её халупу сдадим — всё какие-то деньги в семью.

Гнёт давится супом от такой новости. Прокашлявшись под спокойным взглядом отца и взволнованным — матери, он разводит руками, едва не охватывая ими всю кухню, на которой они втроём едва умещаются.

— Куда к нам переезжать-то?! У нас однокомнатные хоромы. В коридоре ей, что ли, постелем?

— Почему в коридоре? — недоумённо поднимает брови

Смеян. — Тут, в кухне. Ночью, если стулья задвинуть, вторая раскладушка вполне поместится.

Он издевается?! Гнёт в неверии переводит взор на мать. Она сидит как воробушек — скукожившись, нахохлившись, занимая слишком мало места. Но, судя по выражению лица, для неё предложение отца неожиданностью не было. Они что, вместе это обсуждали?!

Смеян Новикович был человеком суровой закалки, с непростой судьбой и скверным характером. Многим чудилось, что именно он — глава семьи. В принципе, так оно, наверное, и было. Вот только голова смотрит туда, куда хочет шея. Сколь бы ни был отец упрям и взбалмошен, получалось практически всегда так, как того желала Любава Хотеновна. Добивалась она своего весьма своеобразно, но верно. Исключением было только пьянство отца, с которым матушка пока не следила. Однако и попыток не оставляла, упорно бегая по бабкам да знахаркам.

Гнёту становится даже интересно, как они себе это представляют: привезти бабушку — хоть и из маленькой, но своей собственной квартирки — и предложить спать на раскладушке в кухне рядом со взрослым внуком. Замечательно! Она ведь именно такую старость себе всю жизнь и представляла!

— Да вы чё? — он даже не пытается притворяться вежливым, опешив от затейного ими безумства. — Старого человека, как собаку, на полу положите?!

Отец тут же отвешивает ему звонкий подзатыльник.

— Ты давай мне тут не умничай! Не на полу, а на раскладушке. Ты вон тоже так спишь. Хочешь сказать, родной отец с тобой, как с собакой, обращается?!

Гнёт знает, что добрая половина молодцов-удальцов живут немногим лучше. Как говорится, в тесноте, да не в обиде. Мало у кого из знакомых ровесников имелась собственная, отдельная комната: в основном её приходилось делить с братьями и сёстрами. Но чтобы взрослого парня положить рядом со старушкой в маленькой кухне, где и одному места мало... Это уже за гранью скромного уровня жизни — примерно возле отметки откровенной бедности.

Он и так смирился, что вряд ли сможет привести когда-нибудь девушку домой. Не на раскладушке же ей предлагать устраиваться и не на родительском диване! Но теперь и подумать страшно, каково будет вот так ютиться.

Тем более что деньги, полученные от сдачи бабушкиной квартиры, вряд ли пойдут ей в руки. Скорее всего, отец будет большую часть из них оставлять себе, дабы с честной совестью пропивать и прогуливать, а жалкие остатки бросать им, как собаке кость. И будет при этом важничать, какой он кормилец. Нет уж, лучше Гнёт как-нибудь сам бабушке втихую поможет, чем обречёт доживать дни в свинских условиях.

Ему остаётся лишь молча вернуться к трапезе, не обращая внимания на тяжёлый взор отца и постоянно суетящуюся мать, норовившую объяснить, почему так будет лучше. Вот только не уточняющую, кому.

Расправившись со щами, Гнёт сам моет за собой тарелку. Пусть отец сколько угодно кряхтит, что это не мужское занятие, – плевать. Его не белоручкой воспитывали, а молодцом-удальцом.

Поблагодарив мать за ужин, он отправляется в единственную комнату, которая служит родителям одновременно спальней и гостиной. Пока они болтают в кухне, попутно обдумывая план пожить за счёт его родной бабушки, у Гнёта есть возможность побездельничать. Почитать что-нибудь, например. Телевизор у них недавно сгорел, а купить новый пока возможности не было. Да уж... Великий Князь полгода как сменился, а жить легче не стало.

Следующее утро начинается до тошнотворного рано. Перед школой нужно было успеть заскочить в Стан, потому что Батяка решил провести общее собрание. С трудом разлепив глаза, Гнёт плетётся в ванну и встаёт под прохладный душ. Нужно держать тело в морозе, чтобы укрепить молодецкое здоровье. А то будет потом всю зиму квёлым ходить. Да и бодрят такие процедуры с утра, снимая всякую сонливость и вялость.

Вытирая выющиеся волосы полотенцем, Гнёт бросает быстрый взгляд в зеркало и ловит себя на мысли, что впору бы и подстричься. Да только лишних рублей на парикмахерскую наскрести не получается. Может, попросить маму обкорнать покороче? А то ходит, как девка. Скоро впору будет

косы плести.

Натянув на себя чистую рубаху и выдавшие лучшие времена брюки, Гнёт выходит навстречу утренней прохладе. Ревун месяц¹⁰ всё ещё довольно знойный в Восточном Княжестве: днём можно преспокойно купаться. А вот вечера и ранние часы заставляют слегка ёжиться, напоминая, что вскоре листья начнут багроветь и опадать, а лёгкая одежда сменится более тяжёлыми кафтанами.

Гнёту такое не по душе: он любит тёплую пору, когда можно допоздна носиться на улице, не боясь окоченеть, любоваться стройными женскими ножками в коротких сарафанах, уходить в лес по ягоды и чувствовать себя вечно молодым да хмельным. Хотя одурманивающих напитков он никогда не пробовал и не собирался, глядя на родимого отца. Не хватало ещё также хронически опухшей рожей обзавестись!

Возле подъезда его дожидается Мормагон, живущий неподалёку. Боёк стоит, прислонившись спиной к стене, и читает книгу. Гнёта всегда поражало то, что, в отличие от большинства молодцов-удальцов, старший приятель коротал время не за сигаретами, а за чтением. Причём не абы чего, а обязательно заумного: либо классика, либо восточная поэзия с их ямбами да хорейми, либо вообще академический учебник у него сыщется.

Молча обменявшись рукопожатиями, они устремляются в Стан. Гнёт силится завести беседу, да что-то не клеится.

¹⁰ Сентябрь.

Мормагон как воды в рот набрал. Вот вечно он так! Чего, скажите на милость, Гнёта дожидался? Мог бы и сам доплестись. Впрочем, несмотря на свою немногословность, Мормагон оставался хорошим парнем.

На первый взгляд опрятный, начитанный юноша производил впечатление того, у кого Гнёт без зазрения совести отнимал мелочь и щедро одаривал подзатыльниками. Но только на первый. Ибо удар у Мормагона был не то что жёсткий – почти смертельный. Один раз по неосторожности человека на тот свет отправил, с трудом острога избежал. И то потому, что один против троих стоял. Его, в общем-то, после этого из академии и попёрли. Зря, конечно. Мормагон – башковитый парень. Дали бы ему нормально доучиться, вышел бы толк. А так – одним мордоворотом больше на улицах Востокграда стало.

Дверь Стана открывается с противным скрипом, напоминающим, что пора бы и петли смазать, пока окончательно не заржавели. Народу много собралось: все стригуны, бойки и тёртые с их района. Разве что мальков не было, но оно и понятно. Чего тут делать тем, кто меньше года в молодцы-удальцы выбился? Пусть сперва покажут, чего стоят.

Батяка Маньчжур развалился в мягком кресле посреди зала и потягивал трубку, выпуская колечки дыма в воздух. Желание покурить тут же начало раздражать нервные окончания, но вытащить сигарету на глазах у Батяки было равносильно тому, что подёргать тигра за усы. Маньчжур на дух

не переносил, чтобы кто-то при нём курил.

Оно и понятно: он среди них самый старший, всему голова. Нечего челяди перед ним на равных себя вести. К тому же Маньчжур считал обыкновенные сигареты признаком плебейства и никогда к ним не притрагивался, оставаясь верным своей неизменной трубке. Вычурной такой, покрытой красным лаком, с китайскими иероглифами.

Невысокий, шуплый, с характерными для человека его крови узкими глазами и лисьей, хитрой улыбкой, он более походил не на Батьку молодцов-удальцов, а на выходца из Триады. Вон, все руки в причудливых татуировках – от плеч, открытых благодаря цветастой безрукавке, до кончиков смуглых пальцев. Ими Маньчжур сжимал старые, выдававшие виды чётки, которые любил перебирать в моменты тяжких дум – или когда собирался устраивать очередной мордобой.

Выглядел Батька, в отличие от большинства собравшихся, бодрым и полным сил. И не потому, что был ранней пташкой, а потому что жил в собственном, весьма далёком от нормального режиме. Маньчжур питал особую слабость к предрассветным часам, когда ночь рассеивалась, уступая место зареву. А вот дневное время на дух не переносил, считая его невыносимо шумным и удушающим. Потому и спать ложился часов в десять утра, потом дрых до шести-семи часов вечера, выползал из своей норы в вечернюю мглу, когда солнце уже скрывалось за горизонтом, хищно оглядывая свою вот-

чину, и всю ночь напролёт наводил порядки – пока на небе не появлялись первые розовые лучи солнца.

Видимо, поэтому Маньчжур и не женился до сих пор. Попробуй-ка найди себе бабу с таким режимом! Даже с девками особо не хороводился, хотя, казалось бы, человек уважаемый, при деньгах.

Оглядев присутствующих весёлым взором, Маньчжур подносит два пальца ко рту и заливисто свистит – да так, что в ушах звенеть начинает. До чего же гадкая привычка! Однако действенная: в Стане тут же делается тихо, как на Моранином Кургане. Молодцы-удальцы устремляют взгляды на Батьку и готовятся внемлить каждому его слову.

Маньчжур лихо запрыгивает на кресло, становясь на него босыми ногами, и оглядывает собравшихся. Его взор можно было бы назвать хмельным, да только не водится за ним такой привычки. Скорее, это какая-то внутренняя, неведомая сила придаёт Маньчжуру эту лихость и лёгкость.

— Други мои! — голос у Батьки на удивление приятный, мягкий. — Что-то засиделись мы с вами по хоромам, пора бы и кости размять. А то на нас уже поглядывать скоро косо начнут. Что ж мы с вами за молодцы-удальцы такие, коли для Княжества Восточного ничего не делаем? Скоро молва пойдёт, что только и годимся кошельки воровать.

Подобная молва о них и так уже идёт – это ни для кого не секрет. Для чего Маньчжур решил вспомнить, что они тут якобы для поддержания порядка собираются, непонятно. Да,

они были частью родного Восточного Княжества — частью своего города, частью своих улиц. Но не более того. Никто их всерьёз не воспринимает — это ясно как день.

— Да ладно кошельки ещё, — с напускной тоской вздыхает Батка, — самовары с ярмарки тащим!

Гнёт чувствует, как в его сторону начинают коситься. «Да что они прицепились-то? Ну было дело. Так они с Соловьём и Лиходеем уже и по морде получить успели, причём неоднократно, и трудами праведными свой грех отработали. Нет же, при каждой возможности тот треклятый самовар им припоминают».

— Так вот, други мои верные! Все же слыхали, что новый Князь, назначенный из Столицы, к нам пожаловать изволит?

Ему вторят недовольным мычанием. Мало кому пришлось по душе, что Востоком теперь будет управлять Щукин — личность довольно сомнительная, но подмазанная к Великокняжеской семье. Он для них чужой, а следовательно, никакого доверия и уважения не вызывает — как и всяк, получивший должность свою не по чести и выслуге, а по родственным связям.

— А что так грустно? — заговорщицки подмигивает Батка. — Праздник же! Такая птица важная в наши края летит. Надобно бы уважить, что ли?!

На этот раз Маньчжурю отвечают куда более восторженными криками. Почуяли скорую кровь. Не просто так Батка эту речь завёл, ох не просто! Видимо, замыслил что-то.

— Вот и я думаю, что надо. Встретить Князя как доброго гостя да проследить, чтоб никакие лихие люди ему дорогу не перебежали. Добро, братцы?

— Добро, Батька! Добро! — срывая голос, вторят единым криком.

Тут и дураку понятно, что встречать нового Князя будут не хлебом-солью. Гнёт в предвкушении скалится. Он чувствует себя акулой, учуявшей первые капли крови. «Прав Батька! Доколе им мелкими разбоями промышлять — пора бы и за дело взяться! Показать столичной шавке, что он здесь никто и звать его никак».

— Вот только одна беда у нас, братцы! — разводит руки в стороны Маньчжур. — Как же мы нашего Князя, Весемира Воеславовича, защищать-то будем, коли у нас оружия нет?

Тишина была не столько оглушительной, сколько красноречивой. Всем стало понятно, для чего собрал их Батька. Достать настоящее боевое оружие было делом хлопотным, но возможным. Среди них были те, кто им пользовался. Но всё же даже в их кругах наличие нагана или револьвера было редкостью. А Маньчжур ясно даёт понять, чем им предстоит в ближайшем времени разжиться.

Оружие было удовольствием, дозволенным в их государстве лишь служивым людям, но никак не молодцам-удальцам. Попробуют пойти против правил — пощады никто не даст. За такое придётся отвечать по всей строгости закона. Тут мытьём полов не отделаешься.

— Чего закручинились?

Батька откровенно фиглярствует, стоя на своём вылинявшем кресле. Ещё немного — и колесом по комнате ходить начнёт. Вот только ему слова поперёк сказать никто не смеет. Маньчжур лишь с виду щуплый да развесёлый. А как до дела доходит, становится лютым зверем: рвёт на части и своих, и чужих. Буквально рвёт, пуская в бой и кулаки, и тяжёлый кастет, и особым образом наточенный нож, грубо и глубоко вырезающий куски плоти.

Маньчжур был опасен — душегубец, хитрый настолько, чтобы оставаться безнаказанным. Прозорливый, знающий всё, что творится в Восточном Княжестве и за его пределами. Хитрый, как лис, он был способен решить любую проблему, но брал за свои услуги втридорога. Становиться его должником — себе дороже. Потому что кто не мог платить ему монетой, платили мясом.

И всё же, несмотря на всю лютость и жестокость, Маньчжур пользовался уважением — потому что слово своё держал и всегда выполнял обещанное ровно в срок и ровно в той мере, как договаривались.

— Да не отчаивайтесь, братцы! Батька уже всё решил. Оружие неделю спустя уже в наше Княжество прибудет — прямым в порт, — он хитро обводит присутствующих масляным взглядом. — А вот забрать его уже самим придётся. Мормагон!

Боёк сглатывает и делает шаг вперёд. Очевидно, ситуация

ему не по душе, да деваться некуда. Смотрит прямо, не отводя взгляд. Маньчжур довольно хмыкает. Ему никогда не нравились трусы да льстецы — уважал людей с характером. Правда, уважать уважал, а норов уговорить всегда вовремя, чтоб не зазнавались раньше и не забывали, кто тут главный.

— Ну что, Мормогон? — мягко, по-отечески любопытствует Маньчжур. — Сдюжишь работёнку?

Спрашивает так, будто речь идёт о чём-то незначительном — колесо помочь поменять или забор покрасить, а не нарушить закон, рискуя собственной шкурой. Вот только права выбора сейчас у Мормогона нет. Даст заднюю — Маньчжур его прямо здесь, при всех изувечит и погонит в шею. Слабакам среди молодцов-удальцов не место. Как говорится, назвался груздем — полезай в кузов!

— Сдюжу, Батька, — голос бойка совсем сиплый, видать, от волнения в глотке пересохло.

— Что-то мне твой тон доверия не внушает. Ты давай веселее как-то, — выпятив нижнюю губу, паясничает Маньчжур. — Тем более не один же на дело пойдёшь. Вон у тебя стригуны какие! Все как на подбор. Самовары таскать горазды — глядишь, и для такой работёнки сгодятся.

«Доколе их ещё будут этим самоваром несчастным... Так, погоди-ка! Это Маньчжур сейчас намекнул, чтобы Мормогон Гнёта с Лиходеем и Соловьём с собой на дело прихватил?!»

— Не то чтобы у них до сей поры руки были чистыми, —

мысленно рассуждал Гнёт. — Но одно дело — морду кому-то набить или копейкой лишней разжиться. И совсем другое — пойти на такое дельце, с которого прямиком в острог угодить можно. А то вообще шальную пулю словить от служивых дружинников. Речь сейчас идёт о реальном боевом оружии — его стеречь должны, как зеницу ока! Да и с чем они против дружины-то пойдут? С ножами и дубинками? Аль им Батяка свой кастет одолжит?!

— Эх, молодцы-удальцы мои, — разводит руками в стороны Маньчжур, — смотрю я на вас — не нарадуюсь. Вон какие ответственные! Князя защищать готовы.

Он спрыгивает с кресла и подходит к Мормагону, закидывая татуированную руку тому на плечи. Жест вроде как панибратский, но предупреждающий. Маньчжур гораздо был своими длинными худыми конечностями на удушающий брат — да так крепко, что даже такому силачу, как Мормагон, не вырваться.

«Это балаган какой-то, да простят их боги! — думал Гнёт. — На такое дело надо кого-то из тёртых калачей посылать. У них и опыт имеется, и оружие своё. А нам-то куда?! Одному бойку и трём стригунам...»

Ладно, Мормагон ещё. Он парень крепкий и ушлый. Соловью там что делать? У него сестрёнки младшие дома — посадят в острог, кто о них позаботится? Лиходей ещё куда ни шло: он явно под благословением Перуна родился, бьёт метко, бегают быстро. Но ведь тоже до этого только таким же

молодцам-удальцам бока мял — против дружинников едва ли попрёт.

Про себя Гнёт даже думать боялся. Трусом он не был — надо будет, пойдёт. Да только он не дурак: прекрасно понимает, что не выстоит против действительно подготовленных дружинников. В лучшем случае сбежать успеет. «Эх, может, курить бросить? Вроде от этого дышалка лучше...»

— Так что, не кручинься, Мормагон! Я в вас верю. Сделаете всё, что вам Батяка велел, — так будет и вам за то награда. Честь по чести, в лучшем виде. Тебя в тёртые определим, а стригунов твоих до бойков поднимем. Ну? По рукам?

Волнение, что до этого крысой грызло Гнётову душу, сменяется надеждой. Выбиться в бойки было давним желанием. Там и доля у него будет уже другая — стало быть, в кои-то веки разживётся копеечкой. Бабушке помочь сможет — не придётся ей к ним переезжать. Да и смотреть на него уже по-другому станут, будут серьёзные дела доверять. А уж как Соловей с Лиходеем такой перспективе обрадуются! Им-то тоже живётся несладко.

Странно, что Мормагон от озвученных Батякой перспектив не сильно в восторг пришёл. Ему вообще в тёртые калачи путь-дорога открыта стала. Считай, уважаемым человеком сделается — как сыр в масле кататься будет. Начнёт шубу добротную носить, а спустя какое-то время и собственным автомобилем, глядишь, разживётся. Девки на шею только так бросаться станут. Не жизнь, а сказка! За такое и шку-

рой рискнуть можно.

— Добро, Батяка, — пытается выдавить из себя улыбку Мормагон, вот только выходит паршиво. — Будет сделано. Честь по чести.

Глава 6. Гнёт

— Ешь на здоровье, Истислав, я тебе, если что, и добавки положу, — бабушка ласково поглаживает его по спине, с умилением глядя на то, как он уминает тёплые, румяные пирожки за обе щёки.

Гнёту делается неудобно. Он обычно сам старается ей продуктами помогать, как может. Знает ведь, что бабушкиной честно заработанной пенсии и на еду с лекарствами с трудом хватает. А сейчас вон сидит тут и бессовестно объедает её, будто пирожков с картошкой отродясь не видел.

В следующий раз на сытое брюхо надо будет к ней идти, чтобы не набрасываться на стряпню, как голодный пёс. Но кто ж виноват, что её еда такая вкусная, будто приготовлена не из простого теста, а заговорённого?! Не просто так ведь говорят: любовь – лучшая приправа.

— Да не надо мне добавки, ба. И так живот скоро треснет. Ты сама лучше присядь, поешь спокойно. А то всё суетишься, как будто я маленький.

Божена Истиславовна ласково треплет Гнёта по курчавой макушке. А потом садится рядом, подпирая щёку кулаком, и продолжает любоваться тем, как он жуёт пирожок. И почему бабушки так радуются, когда их внуки едят? Что за странное желание откормить? Причём именно внуков – над детьми-то

так никто не трясётся.

Будто читая мысли Гнёта, бабуля смеётся и наливает ещё ароматного травяного чая в его кружку:

— Давай, давай, а то вон какие синяки под глазами.

— Так синяки ж от недосыпа, а не от недоедания.

— А на сытый желудок и спится лучше! — задорно парирует Божена Истиславовна.

Гнёту только и остаётся, что улыбаться. И дать мысленный зарок позаботиться о ней во что бы то ни стало. Дело, на которое их Маньчжур отправляет, сразу начинает казаться ещё более заманчивым. Выбьется в бойки – сможет безо всякого труда бабушкин холодильник забить едой. Глядишь, даже лакомствами заморскими разживётся. Не придётся ей больше каждую копейку считать, да к ним в тесные хоромы переезжать.

От последней мысли становится тошно. Ежели отец прознает, что Гнёт к бабушке заходил, то опять возьмётся расспрашивать, когда она к ним наконец-то пожалует – в тесной кухне на жёсткой раскладушке ютиться. Смеян коршунном вокруг её хором теперь кружиться будет, будто зверь, учуявший запах добычи.

— Слушай, ба, к тебе батька мой не захаживал? — как бы невзначай спрашивает он.

— Ой, да когда ему, — отмахивается Божена. — На работе всё время спину гнёт.

Нужно отдать отцу должное: работягой он и правда был

добросовестным. В автомастерской даже понюхать алкоголь себе не позволял. Зато стоило ему выйти за ворота, как начиналось! Знай только закладывал за воротник.

— Ба, я вот что сказать хотел. Если он тебе что-то предлагать начнёт... Ты, конечно, сама смотри. Но вообще знай, что дома у нас всё в порядке и нужды никакой нет.

Божена тут же взволнованно подхватывается:

— Это что ж он мне такого предложить-то должен?

Гнёт мысленно ругает себя за длинный язык. Ну раз начал, надо заканчивать. А то с родителя станется заболтать старушку. И будет она у них на правах приживалки в уголке сидеть и выслушивать по три раза на дню, как её тут кормят-поят за просто так.

— Да ты же знаешь папу. Постоянно жалуется на что-то. Так что, если он станет тебе сказывать, как нам денег не хватает, ты не слушай. Это он так, прибедняется. Мы живём в достатке, волноваться не о чем. Сама же говоришь, трудиться он день и ночь. Да и мама работает.

Глядя на морщинистое, вмиг погрузневшее лицо бабушки, Гнёт с тяжёлым сердцем понимает, насколько же её подкосила жизнь. Она ведь и не такая уж и старая – шестьдесят годков всего. Многие в этом возрасте ещё помадой пользуются, причёски делают, да в театры ходят. А у него бабуля последние лет десять как яблочко печёное: волосы седые, некрашенные, постоянно прячет в пучок, а выходя на улицу, прикрывает выцветшим за годы носки платком. Про помаду

и говорить нечего.

Гнѣту стыдно за то, что она так живѣт. Что его бестолковый отец, её единственный оставшийся в живых сын, не заботится о ней должным образом, только сам всё поживиться норовит. Что Великое Княжество обирает стариков, не позволяя местным князьям самостоятельно распоряжаться бюджетом. Сделали бы региональную надбавку к пенсии — так нет же! Все доходы сперва в Белокамень, а уж там умные люди решат, кому и сколько причитается.

Будь у Восточного Княжества больше свободы, глядишь, и народу жилось бы лучше. Может, прав Маньчжур? Пора им вспомнить, для чего они нужны. Взять всё в свои руки, не позволить и дальше обескровливать родные земли.

— Истислав, что-то ты меня совсем с толку сбиваешь, — вздыхает бабушка. — У вас точно всё в порядке?

Взгляд её падает на цветущий синяк под его глазом. Справедливости ради, Гнѣт и месяца не ходил не расписанным. Божена Истиславовна причитала, конечно, и всё норовила мазь какую целебную нанести да очередной оберег на шею повесить. Но в сердцах, когда думала, что внук не видит, улыбалась и приговаривала: «В Храбра пошёл».

То, что помимо отца у неё был ещё один сын, в их семье обычно не обсуждалось ни под каким предлогом. И не потому, что бабушка могла расплакаться, вспомнив о своей потере. Видите ли, Смеян до сих пор не мог простить, что не был у неё любимчиком. Оттого и запрещал имя покойного бра-

та упоминать. Даже своего сына наотрез отказался в честь Храбра называть.

— Да нормально у нас всё, бабуль, — Гнёт натягивает на лицо беззаботную улыбку. — Просто не хочу, чтобы ты лишний раз переживала. Тебе, кстати, лекарства купить?

Она лишь отмахивается:

— Слава Роду, на лекарства бабушке твоей хватает.

Надо будет подсмотреть потом, что ей там знахарь назначил. Негоже вот так оставлять. Гнёт знает, что она полгорода обойти может, чтобы найти аптеку с ценами пониже. А потом жалуется, что ноги болят. Немудрено!

— Ладно, ба, — он встаёт со стула, чтобы наклониться и поцеловать её в макушку, прямо как она его в детстве, — пойду я. Меня ребята заждались уже. Со школы.

Последнее он добавляет, чтобы не тревожить её лишний раз. Хотя, кажется, Божена Истиславовна давно уже догадалась, чем промышляет её внук. Не могла не догадаться: весь город знал, кто такие молодцы-удальцы. И всё же она никогда не попрекала Гнёта его компанией и даже относилась к Соловью и Лиходею с удивительной теплотой. Вот и сейчас начала причитать, чтобы передал им гостинец:

— Так ты пирожков с собой возьми, угостишь друзей! У них, поди, и крошки во рту с утра не было.

Как бы его друзьям жрать не хотелось, у его бабули они лишний раз и сухарик заветренный не возьмут. Негоже молодым старых объедать. Они скорее сами что-нибудь к столу

принесут, если решат в гости наведаться.

— Да ты что, бабуль! Они ж только что из дома, не голодные.

Обувшись в старые, но начищенные к приходу в гости ботинки, Гнёт оборачивается в дверях и сверкает белозубой улыбкой. Бабушка его неожиданно замирает, прижав руки к груди, и глаза её увлажняются. Она всматривается в его лицо сквозь пелену сдерживаемых слёз, будто бы на неё нашёл морок. Гнёт знает, отчего так: знает, что покойный дядя был похож на его отца, как две капли воды. Знает, чьи черты видит она в его собственном лице.

— Так потом поедят, — голос старушки дрожит, она словно сама не понимает, о чём сейчас толкует.

Нужно уходить, пока она не расплакалась. Гнёт не может видеть её такой – горящей, сломанной. Так уж вышло, утешать он не умеет, как бы ни старался. Будет лучше избавить Божену Истиславовну от призрака покойного сына в доме и вернуться к ней в другой день – когда ей станет лучше.

— Да ты не волнуйся так, — Гнёт говорит нарочито бодро, пытаясь обмануть и её, и себя напускной беззаботностью. — Давай мы лучше сами как-нибудь в гости к тебе зайдём? Пирожки-то они вкуснее, пока тёплые. Ну всё, бабуль, я убежал. До скорого, зайду ещё на неделе. Не скучай.

Закрывает дверь, не оборачиваясь, и пускается со всех ног вниз по лестнице. Только бы не видеть слёз. Не слышать тихих всхлипываний за спиной. Не думать о том, что она сей-

час рыдает из-за него.

«Трус», — корит себя Гнёт.

Спустившись на первый этаж, он прижимается головой к подъездной двери. «Какая же я скотина... Ну что мне стоило переломить своё „хочу“ и дать старушке выплакаться, уткнувшись мне в плечо? Знает ведь, что сама она не успокоится. Но, может, без моей рожи, напоминающей о смерти любимого сына, она придёт в себя быстрее».

«Не думать, не думать об этом. Когда-нибудь я смогу нормально позаботиться о ней. Забью холодильник лакомствами, лекарства куплю заграничные, ремонт в её хоромах сделаю — самый лучший, так, чтоб на совесть! Но сперва мне нужно в люди выбиться».

На улице, около подъезда, его встречает Мормагон. Кажется, у них это уже становится традицией. Боёк, как всегда, собранный, аккуратно одетый и причёсанный. Однако картину портят нездоровая синева под глазами и несвойственная ему бледность. «Неужто захворал?» — мелькает в голове у Гнёта.

— Сегодня на дело идём втроём, — Мормагон сразу же переходит к самой сути, не томит долгими беседами. — Лиходей ногу сломал.

— Да брось! — Гнёт ушам своим не верит. — Вот так взял и сломал?! Когда умудрился, скажите на милость? Вчера же только виделись, вечером разошлись. И, как назло, вовремя...

Мормагон бросает на него хмурый взгляд. После такого он обычно в морду прописывает, но сегодня боги оберегают Гнёта от тяжёлого кулака старшего приятеля. То ли Мормагон и сам удивлён не меньше его, то ли перед предстоящей вылазкой не хочет терять боеспособного молодца. А может, просто жалеет. Как-никак сдружились, считай.

— Я, по-твоему, на баюна похож – сказки выдумывать?
— недовольно бурчит боёк. — Сегодня сам к нему заходил. Сиднем сидит, нога забинтована. Говорит, на мокрой лестнице навернулся.

— Бывает... Неудачно, правда, это всё. Не вовремя. Но что поделать.

Мормагон делается ещё угрюмее. Понятно отчего: расклад теперь не в их пользу. Вряд ли Маньчжур им кого-то ещё в помощь даст. Да и новый человек скорее помехой будет – кто знает, что у него на душе. Оттого без Лиходея вдвойне тяжело: он ведь свой, проверенный.

Гнёт решает подбодрить Мормагона – моральный груз, который тот несёт, уже почти физически ощущается:

— Ну ничего. Мы и втроём сдюжим.

Тот даже не отвечает, в очередной раз подтверждая, что утешать людей Гнёт не умеет. Да и как тут научиться, когда у самого на душе вечно чёрные тучи?

Хотя причём тут душа?! Вот они – на потёртых заплатках его старой, заношенной вышиванки, обновить которую нет средств. В нежелании возвращаться в отчий дом, где опять

накинутся с расспросами: «Ну что, поговорил? Согласна? Когда переезжает?». В запахе домашней выпечки, который остался тяжёлым напоминанием о бабушкиной доброте и собственном малодушии...

Идя по знакомым улицам рядом с Мормагоном, Гнёт на какой-то миг останавливается и робко обращается к бойку – в надежде успокоить собственную совесть:

— Слушай... Я, конечно, уверен, что всё у нас получится. Но это... Если вдруг что, позаботься о моей бабуле. Сам знаешь, пенсии сейчас крошечные, а жить как-то надо. Да она тебя и остальных всегда рада видеть будет! Вот сегодня даже спрашивала...

Гнёт останавливает свой словесный поток и тяжело вздыхает. Лишняя болтовня сейчас ни к чему. Тем более с Мормагоном: тот всегда в суть смотрит и не терпит лишнего трёпа.

Глядя на открытое, суровое лицо приятеля, Гнёт берёт себя в руки и уже куда спокойнее спрашивает:

— Позаботишься о ней?

Мормагон в ответ глядит пристально, серьёзно, словно тщательно взвешивая его просьбу на внутренних весах собственной честности. Не тот он человек, который будет попросту языком молоть да обещания направо и налево раздавать. Если слово даст, держать до конца будет. Потому Мормагона и уважают.

Кивнув головой, он снимает с Гнёта все беспокойства од-

ним коротким, скупым ответом:

— Добро.

Выносить оружие со склада, нагрянув в ночи с арматурой наперевес, было бы отборной глупостью. Поэтому они затесались сюда ещё с вечера. Благо разнорабочих не хватало – трое молодчиков, решивших разжиться лишней копеечкой, подозрений у работников порта не вызвали.

Когда интересующий их груз прибыл, самым сложным было не светиться перед дружинниками. Конечно, никто не станет подписывать коробки с оружием: их просто отнесут на один из складов и станут дожидаться служебной машины. И тогда у Гнёта и Мормагона появится момент незаметно вынести один из ящиков. Главное – проверить комплектацию. Если они принесут Маньчжуру только патроны, тот, конечно, от души посмеётся. А потом у каждого из них по куску мяса вырежет – компенсирует, так сказать, убытки.

Надо отдать Батьке должное: свои люди у него везде имеются – что на корабле, на котором привезли ценный груз, что в порту. Поэтому Гнёт и Мормагон без труда сумели спрятаться на нужном складе, затесавшись среди ящиков. Соловей оставался на стрёме.

Всё шло относительно гладко. Поджилки, конечно, тряслись, но в целом складывалось ощущение, что не такая уж это и сложная работа.

«Не боги горшки обжигают, в конце-то концов! — думал Гнёт. — Да и не собираемся мы дружину подчистую обкрадывать — так, вынесем немного огнестрела, от власти не убудет».

Когда нужные им коробки внесли на склад, Мормагон заметно напрягся. Видать, думал, что сейчас дружина начнёт рыскать по углам. Да не тут-то было: занесли ящики, руки отряхнули — и были таковы.

«Чудно, — удивился Гнёт. — Оказывается, разгильдяйство — явление куда более повсеместное, чем думалось мне раньше».

Мормагон дёргает его за рукав, вынуждая склониться поближе:

— Ежели нас накроют неожиданно-негаданно, говори, что снедь искали.

Слова приятеля заставляют Гнёта поднять брови в недоумении. Кто в такую чушь поверит? Если их и правда накроют, тут на утёк пускаться надо, а не болтать.

— Ты на меня так не гляди. Времена ныне голодные. Так что в сказку про снедь поверят легко. А коли про оружие узнают, тут уж несдобровать нам. В острог на несколько годов угодим, как пить дать, — дождавшись согласного кивка, Мормагон подталкивает его в спину. — Всё, пошёл!

Прошептав на всякий случай короткую молитву, Гнёт берётся проверять содержимое коробок. Это только в заморских фильмах оружие лежит собранное и заряженное. А в

жизни ходи да ищи нужные детали.

Мормагон опускает перед ним пустой ящик:

— Туда складывай.

«Хитро».

Когда ящик оказывается заполнен, Гнёт собирается унести ноги. Однако Мормагон жестом велит обождать. А затем берётся спокойно, со знанием дела, собирать пистолет.

«Боги, и где научился-то?! — поражается Гнёт. — Да и зачем нам с собой заряженное боевое оружие?»

— Брось, — Гнёт перехватывает запястье старшего, — ежели возьмут со стволом, точно отбрезхаться не получится.

— Ничего, сброшу, — отмахивается Мормагон.

Когда они выходят со склада, всё чисто. Аж не верится в счастье.

«Неужто всё? — думает Гнёт. — Осталось только территорию порта покинуть, но тут у нас дорожка проторена. Лазейка имеется – выйдем незаметно».

Солёный воздух пахнет свободой, а лучи закатного солнца превращают их пыльный, унылый город в кадр из мультиков – не отечественных, таких же серых, как жизнь в Восточном Княжестве, а ярких, снятых в соседнем Ниппоне. Гнёт даже чувствует себя одним из человечков с огромными глазами – тем самым, которому море по колено и сам чёрт не брат. «Мы сделали это. Справились. Не подвели. Стало быть, нам теперь почёт и уважение», — ликует он.

Соловей стоит, покуривая сигарету, будто вообще не при

делах. Подняв глаза, он задумчиво разглядывает приближающихся к нему приятелей, слегка прищурившись от солнца. А потом резко начинает размахивать руками и орёт, как ужаленный:

— Атас!

«Вот же идиот! На хрена орать-то было?! — вскипает Гнёт. — Дружинники, если и паслись поблизости, в жизни бы на нас внимания не обратили! А теперь кинулись вслед со всех ног! Вон как кричат залиvisto. И не отбрешешься теперь, что мимо проходили». Приходится давать дёру.

«Вот тебе и нарисованные человечки из ниппонских мультиков! — горько усмехается про себя Гнёт. — Три дурака, улепётывающих от дружинников с тяжелой коробкой наперевес. Нам бы разделиться, да страшно. И соображать на ходу не успеваем».

Сзади раздаётся первый предупредительный выстрел. Этот звук становится спусковым крючком для Мормагона: он ныряет рукой за пояс и достаёт пистолет, готовясь отстреливаться.

— Сдурел?! — кричит на старшего приятеля Гнёт. — Это же статья!

— Коробку Соловью отдай, — коротко отдаёт приказ Мормагон. — Драпайте в Стан, к Батьке. Я прикрою.

Почему вечно рассудительный боёк решил пойти на такую откровенную дурость, останется для Гнёта загадкой на всю оставшуюся жизнь. Был ли то лихой азарт, или желание за-

щитить подопечных, или же стремление доказать Маньчжуру, что он ничем не уступает тому в бесстрашии – одному Роду известно. Но когда за спиной раздался неожиданно близкий выстрел, ноги Гнёта сами собой ускорились.

— Соловей! — окликает друга Гнёт. — Держи коробку и тащи в Стан!

— В смысле тащи? А вы?!

— Бегом давай!

Спонтанно принятое решение видится неожиданно правильным и разумным. Соловей из них троих самый ловкий – без мыла везде пролезет, на дно вовремя заляжет, тише воды, ниже травы. Если кому и доверить оружие доставить в Стан, так это ему. А Гнёт меж тем попытается вразумить Мормагона.

«Какая муха того укусила? Всегда ж спокойный был», — недоумевает он.

Боёк занял удобную позицию за одним из складов, опустившись на одно колено, и прицельно палил по ногам дружинников. К ужасу Гнёта, попадая. «Ну всё. Привет, острог», — холодеет он.

Острог...

Догадка приходит к Гнёту совершенно неожиданно: из них всех именно Мормагон уже имел проблемы с законом. Если его схватят, точно по всей строгости закона судить будут, без оглядки на возраст. Вот почему тот так отчаянно борется сейчас с дружиной. Он сражается не за награбленное

оружие. Он сражается за свободу.

Гнёт кидается к Мормагону и едва не за шиворот поднимает того с земли. «Потом мы обязательно поговорим, обсудим случившееся, — решает он. — Возможно, старший товарищ треснет меня по морде. Возможно, я сам огребу по полной. Но это будет потом. А сейчас нам нужно унести ноги как можно дальше отсюда».

Слегка встряхнув бойка, Гнёт с неожиданной злостью рывкает на него — да так, что у того даже язык не поворачивается возразить:

— Успокоился! Опустил оружие! И бегом со мной!

Тот даже слушается: убирает оружие и бросается наутёк. Сперва движения его какие-то заторможенные — Гнёту приходится встряхнуть приятеля за шиворот, возвращая в нормальное состояние. Тот вроде как берёт себя в руки, начинает бежать увереннее и быстрее. Гнёт ненадолго выдыхает.

В его план входит змейкой пробежать меж закоулками складов, но Мормагон, наоборот, решает рваться напрямую.

— В закоулке точно пристрелят, — надо же, к кому-то вернулась способность думать головой!

Гнёт не хочет рассуждать о том, откуда его близкий приятель обучен так ловко управляться с оружием и какая неведомая сила направляла его руку, заставляя стрелять по живым людям. Одно дело — морду кому-то набить, но чтоб прямо пальбу устраивать! «А ежели убьёт ненароком? Как жить потом с клеймом душегубца?! — содрогается он. — И дело

не в том, что в темницу упекут. Одно дело, если против тебя враг лютой. Но простой дружинник в чём провинился? Человек просто выполняет свою работу. За такое точно не убивают. По крайней мере, в моём понимании».

Он обо всём этом спросит Мормагона, обязательно спросит. Потом. А сейчас надо...

Один знаменитый полководец сказал: «Пуля – дура, а штык – молодец». Брехня. Пуля, может, интеллектом малость и обделена, зато обладает таким свойством, как меткость. И, самое главное, в цель попадает издали, в отличие от своего холодного соперника. Сегодня одна такая «дура» угодила в Мормагона.

Он падает навзничь, лицом вперёд. Гнёта начинает бить крупная дрожь. Страшно. Страшно, что мёртв. На куртке стремительно расплзается тёмное пятно – кровь. Мормагон глухо стонет. Слава Роду, живой.

Гнёт силится поднять приятеля, да только хуже делает – рану бередит. Мормагон хрипит, пытается встать на ноги, да сил нет. Одна только радость – что живой остался.

Гнёту бы уходить, унося ноги прочь, да совесть не позволяет бросить приятеля здесь одного. С другой стороны, куда его? В больницу нельзя – там мигом доложат в Сыскную Палату. А без должной помощи боёк помрёт, как пить дать. Может, к знахарю какому? Маньчжур наверняка знает кого-то – обязан знать!

Пока он размышляет, терзаемый совестью, время неумо-

лимо ускользает, словно песок сквозь пальцы. Уйти или остаться? Слишком тяжёлый выбор. Гнёт никак не может определиться, как же ему поступить: рискнуть чужой жизнью или собственной свободой?

В этот день Истислав Истомин усвоил одну истину – усвоил тщательно, впитал в себя и пронёс через всю оставшуюся жизнь. Истина заключалась в том, что если ты не готов сделать выбор, то его сделают за тебя.

Дружинники заламывают руки так, что любое движение приведёт к повреждению суставов. Беспомощность горечью оседает на языке, застревает комом в горле. И Гнёту впору бы злиться и волком на них рычать. Но, глядя на то, как один из дружинников проверяет пульс Мормагона, он чувствует облегчение и слабые отголоски благодарности.

«Быть может, всё не зря, — думает Гнёт. — Быть может, Мормагона спасут».

В конце концов, лучше отсидеть в остроге, чем мучиться угрызениями совести, зная, как подвёл своего друга, оставив истекать кровью. Да и что им сделают-то? Оружия при них нет. Точнее, почти нет – один пистолет, так то ж баловство, несерьёзно. А Гнёт вообще может напеть, что случайно забрёл на территорию порта, а потом испугался перестрелки и кинулся наутёк. Придумает что-нибудь – не впервой! Да и Маньчжур подсобит, не бросит своих!

Спустя два дня в камеру, где Гнёт ожидает суда, заходит

один из лихоборцев и, неловко переминаясь с ноги на ногу, сообщает, что Мормагон умер. К моменту, когда его доставили в больницу, он потерял слишком много крови. Редкая группа, да ещё и резус-отрицательный... В общем, не спасли.

А самому Гнёту, ввиду недостаточного количества улик, но большого количества приводов, дали четыре года. Повезло. Будь он совершеннолетним, десятку впаяли бы.

Его увозят в холодной машине, с запястьями, закованными в натирающие кожу наручники, – исхудавшего от казённой еды, пресной и постной, – прямиком в новую жизнь. Туда, где он будет не просто молодцом-удальцом, местным задирой, отбирающим копейки у школьников. Та часть его жизни, где прегрешения отрабатывались в местном храме, закончилась.

Отныне Гнёта ждут постоянные проверки на вшивость, за непрохождение которых спрашивать будут как со взрослого. Его тело научится не чувствовать боли от сотни гематом, которые станут почти привычными. А когда всё закончится, за Гнётом закрепится прочное клеймо отсидки. Такие метки в кожу въедаются вместе с чернилами – не забыть, не вывести.

Одна радость: на улице его никто не сочтёт трусом. Почему-то сейчас это кажется ему особенно важным.

А ещё Истислав Истомин искренне надеется, что с его бабушкой всё будет в порядке. Мормагон ведь обещал позаботиться о ней. Мормагон обещал... И эта мысль, го

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.